

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

СЕНТЯБРЬ 1999

ТИШРЕЙ 5760

№ 9 (89)

БЕСЕДЫ О КНИГЕ

Таво: радость каждую минуту

Еврей должен всегда пребывать в радости. Одно из поучений, которое Баал-Шем-Тов произнес однажды в день своего рождения, 18 Элула, гласит: "Евреи должны радоваться тому, что они удостоились быть рабами Б-жьими". И еще: "Служите Всевышнему с радостью". О том, что Всевышнему надо служить "...с радостью и с веселым сердцем", говорится и в главе "Таво".

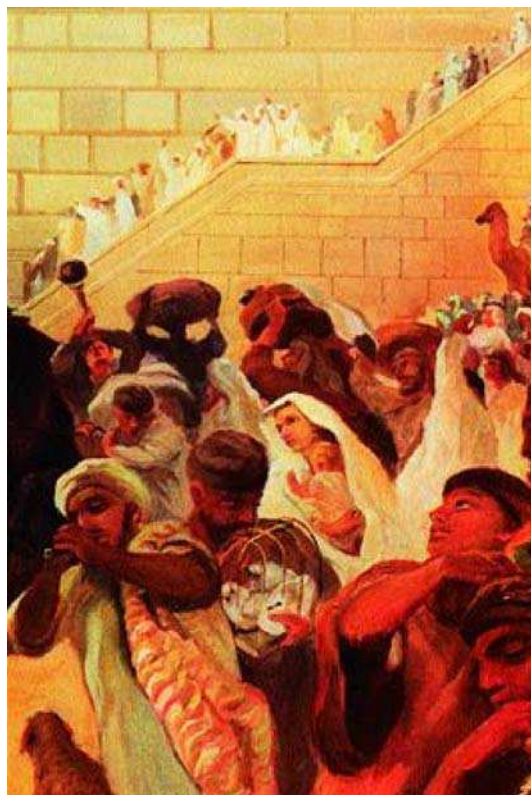
Очевидно, что все заповеди следует исполнять с безграничной радостью. Но есть заповеди, которые требуют особой тщательности исполнения. Об одной из таких заповедей повествует Тора в самом начале главы "Таво". Речь идет о заповеди принесения первых плодов урожая в Храм. Описав порядок исполнения закона, Тора заключает: "И радуйся всему добру, которое дал Б-г, Всесильный твой..." (Дворим, 26:11).

Эта заповедь относится к наиболее важным в службе Всевышнему. Тора повелевает взять "лучшее от всех плодов" и принести их в дар Б-гу. Исполнение ее было возможно только во времена Храма; следовательно, ее материальное воплощение в наши дни не может быть осуществлено, однако ее духовный смысл не потерял своей актуальности.

Чему же учит нас эта мицва? "Когда придешь ты в страну, которую Б-г, Всесильный твой, дает тебе в удел", когда человек оказывается в том месте, которое выбрал для него Всевышний, он должен понимать, что появился здесь не случайно, что в этом заложен Б-жественный промысел. В этом месте ему надлежит очистить его с помощью Торы, ее заповедей, и в этом смысле происходящее распространяется на любую часть земли, не только на страну Израиля. Именно это имел в виду третий Любавичский Ребе Цемах Цедек, когда сказал: "Сделай здесь страну Израиль" — где бы ты ни был, принеси святость духовного Израиля туда.

Что же должен сделать человек, оказавшись в таком месте? — "Возьми начатки всех плодов земли, которые ты получишь в стране твоей" — лучшее, "начатки", должен он принести Б-гу. Лучшие свои силы, лучшее время должен человек посвятить Всевышнему. Именно таким образом он может отблагодарить Творца за "землю, за Б-жественное благословение". Именно в лучшее время дня, утром, лишь открыв глаза, он должен произнести молитву "Благодарю я Тебя..." Лишь после этого он может отдавать свои силы материальному миру, и тогда он удостоится помощи Небес.

Все это должно сопровождаться искренним воодушевлением и радостью. Радостью не только за частную удачу, а радостью "за все добро", за факт нашего существования, за то, что мы родились евреями и служим нашему Создателю. Такая радость пронизывает весь наш день и все наши поступки. И, занимаясь будничными делами, мы ощущаем ее, ведь радость эта связана со "всеобщим добром".

Ницавим: Б-жественное благословение

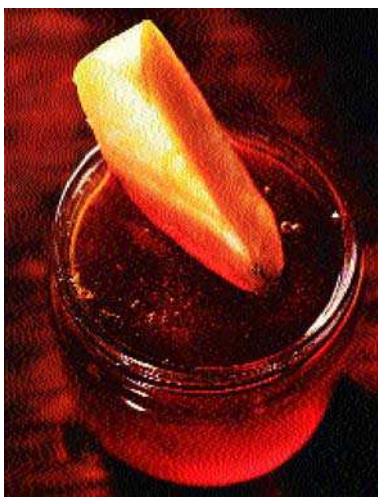
Суббота, в которую читают главу "Ницавим", как и любая другая суббота перед новолунием, называется "благословляющей субботой". В такие субботы мы благословляем наступающий месяц. Однако суббота перед месяцем Тишрей является исключением из этого правила. Месяц Тишрей мы не благословляем. Межеричский Магид от имени своего учителя Баал-Шем-Това объясняет: "Седьмой месяц (месяцев), он же первый месяц года, Тишрей, в предшествующую ему последнюю субботу Элула благословляет Сам Всевышний, давая тем самым евреям потенциал на то, чтобы остальные одиннадцать месяцев могли быть благословлены ими самими".

Что же такое благословение Всевышнего? Глава Торы "Ницавим" начинается словами "вы стоите сегодня", "сегодня" означает Рош а-Шона, день Суда, и Всевышний обещает нам, что в день Суда "вы стоите", устоите, иначе говоря, "победите" в Суде. Это благословение — общее, а сразу после него следуют детали, кто именно устоит в этот день: "...главы колен ваших, старейшины ваши и надсмотрщики ваши, каждый человек в Израиле, дети ваши, жены ваши и пришелец твой, который в среде стана твоего, от дровосека твоего до черпающего воду для тебя" (Дворим, 29:9-10).

Пообещав благословить Свой народ, Всевышний объясняет, зачем Ему это надо: "Чтобы вступить тебе в союз с Б-гом, Всесильным твоим". Это означает, что Всевышний заключает союз с народом Израиля.

Основная цель сводится к материализации указанного выше благословения, оно должно проявиться в материальном мире, выразиться в материальном благосостоянии. Известно, что Суд в Рош а-Шона касается именно этого, материального, мира. И в службе Всевышнему наиболее важно, чтобы Его воля не оставалась только в духовной области, она должна приобрести материальное воплощение. Наши мудрецы говорят: "Главное — это дело". Не добрые намерения, какими высокими они бы ни были, а именно действие есть основа всех основ. Поэтому еврейский закон полагает, что даже лучшие намерения не заменяют исполнения заповедей, а действие, даже не сопровождаемое добрыми намерениями, принимается как мицва.

Исполняя волю Творца наилучшим образом, в том числе и в области тшувы, мы удостоимся в эту субботу получения Б-жественного благословения и "победы в Суде".

Ваелех: разбудить окружающих

В этой главе Моше посвящает своего ученика Иешуа в заповедь: "Собери народ, мужчин, женщин и детей, и пришельцев, которые во вратах твоих, чтобы слушали они, и чтобы учились и боялись Б-га, Всесильного вашего, и старались исполнять все слова учения этого" (Дворим, 31:12). Раз в семь лет царь Израиля должен был собрать весь народ и читать им Тору — "Чтобы слушали и учились бояться Б-га".

"Тосефта" повествует о том, как исполнялась эта заповедь. В день "собраний" священники с золотыми трубами в руках выстраивались на улицах Иерусалима и, "трубя, собирали народ в Храм". «О том коэне, — заканчивает "Тосефта", — у которого не было в руках золотой трубы, говорили, что он, похоже, не коэн».

Это последнее заявление требует пояснения. Ведь служба коэнов касалась именно храмовых процедур. Трубление же на иерусалимских улицах было лишь подготовкой к исполнению заповеди собрания народа. Можно ли утверждать, что не исполняя косвенных, подготовительных обязанностей, коэн переставал быть коэном?

Какова сущность службы священника в Храме? Одной из основных его обязанностей было воскурение благовоний. Рамбам считает, что благовония воскурляли для того, чтобы устранить дурные запахи. В духовном же смысле эта служба, как объясняет Зогар, состояла в том, чтобы устранить скверну дурного начала.

Благовония приготавливали из специй, не пригодных в пищу человека. Среди прочего — из "халвана", обладающего дурным запахом, который символизировал низкое

и низменное. Талмуд говорит, что он, в частности, являлся символом грехов Израиля. Работа священников заключалась в том, чтобы это низкое и низменное поднять к святости, использовать в службе Всевышнему. В наибольшей мере это их предназначение проявлялось во время церемонии "великого собрания", когда весь народ Израиля поднимался на более высокую духовную ступень.

Эта церемония становилась своеобразным экзаменом для коэнов: если священник чувствовал, что его задача состоит в том, чтобы собрать народ, он тем самым выполняет свое предназначение. Если же он считал возможным в это время оставаться дома, было "похоже, что он не коэн".

Тора именует всех евреев "народом священников"; задачей каждого еврея, особенно того, кто способен оказывать влияние на окружающих, пробуждать народ, поднимать его на более высокую ступень.

Аазину: три похвалы

Глава "Аазину" представляет собой "песнь Моше". Она повествует об учении Б-жьем, о народе Израиля и о многом другом. "Ибо доля Б-га — народ Его, Яков — область удела Его. Нашел Он его в стране пустынной..." Простой смысл этих слов в том, что Всевышний нашел народ Израиля в пустыне. На первый взгляд это кажется неверным, ведь уже в Египте Всевышний "нашел" евреев. Поэтому Раши объясняет иначе: "Их (евреев) нашел верными Ему на земле пустынной, когда они приняли Его Тору, Его царскую власть и Его бремя, чего не сделали ни Ишмаэль, ни Эсав..." В этих словах заложена тройная похвала еврейскому народу, принявшему на себя Его Тору, Его царскую власть и Его бремя.

Этими похвалами подчеркивается, что евреи не поступили, как народы Ишмаэля и Эсава, которые не пожелали принимать Тору до того, как их ознакомят с тем, что в ней написано, а узнав, решили, что Тора им не подходит. Евреи же проявили истинную преданность Всевышнему, приняв Его Тору еще до того, как узнали, что в ней: "Сделаем и услышим", — сказали они.

Итак, евреи приняли на себя Тору, выразили готовность ее изучать. На этом уровне они проявили и готовность исполнять все ее заповеди, постигаемые разумом и человеческой логикой.

Более высокая похвала евреям говорит о том, что они приняли на себя власть Всевышнего. На этом уровне они показали, что готовы принять царскую власть и исполнять царские указы, не задавая никаких вопросов, что называется, "без обсуждения".

Но еще более высокой ступенью явилось то, что евреи приняли на себя Его бремя. Подчинив себя царской власти, подданный вовсе не обязан посвятить свою частную жизнь властелину, он обязуется лишь быть лояльным к своему государю во всем, что касается общественных законов. Приняв на себя бремя Его власти, евреи объявили себя рабами Всевышнего, объявили, что их жизнь принадлежит Хозяину.

Везот а-броха: радость за потраченные усилия

Последний день праздника Суккос называется Симхас Тойра потому, что в этот день читают последнюю главу Торы "Везот а-броха", завершая годичный цикл изучения Торы. Казалось бы, если устраивать праздник в честь Торы, не уместнее ли было бы провести его в Швуэс, когда Тора была дарована еврейскому народу? И, вероятно, тогда же начинать и заканчивать изучение Торы?

Хасидизм же учит, что именно в Симхас Тойру мы веселимся, заканчивая годичный цикл изучения Торы, потому что этот праздник должен быть связан с днем дарования вторых скрижалей Завета взамен первых, разбитых раздосадованным Моше. Вторые скрижали, как мы знаем, были дарованы евреям в Йом Кипур.

Разница между праздниками Швуэс и Симхас Тойра заключается в том, что в Швуэс Тора была дана евреям как подарок Небес. В Симхас Тойру мы радуемся тому, что целый год прилагали усилия для изучения дарованной Всевышним Торы. Полученное бесплатно не может вызывать истинную радость. Сказано, что хлеб, который человеку был подарен, называемый "хлебом милосердия", именуется также "позорным хлебом" и от него человек не может получить настоящего удовольствия. Только заработанный в поте своем хлеб приносит человеку истинную радость. Симхас Тойра, символизирующая наши усилия, благодаря которым Тора стала принадлежать нам по-настоящему, и есть подлинная радость Торы, уже и нашей, не только Б-жественной.

Эта принципиальная разница заложена уже и в самих скрижалях. О первых сказано, что они были "делом Б-жым" и "письмом Б-жым", вторые же, являясь "письмом Б-жым", были сделаны Моше.

И еще об отличии праздника Швуэс от Йом Кипура, дня, когда были дарованы вторые скрижали. Во время первого дарования евреи находились на уровне праведников, стоявших "как один человек с одним сердцем" у горы Синай. Во второй раз евреи находились на уровне раскаявшихся, вернувшихся к Б-гу детей, совершивших грех поклонения золотому тельцу. Возвращение к Творцу доставило евреям большую радость, потому что близость после разлуки и есть причина для настоящего веселья.

НАША ДАМА В ВАШИНГТОНЕ

Эстер Тихтель

"E' eoi ci aao,

ia aeü oaeia e' adai aie ou aipoeaa aipoeia no aa oadieia?"

Yioad, 4:14

Узнав сидящую в кресле самолета худенькую светловолосую женщину в английском костюме, стюардесса предложила ей утреннюю газету. Женщина поставила на поднос свой бокал с вином, который держала в руке, и внезапно просияла: на первой полосе газеты "Вашингтон пост" она увидела портрет своего мужа. Это обрадовало и успокоило ее.

Хадасса Либерман нервничала по вполне уважительной причине. В январе 1994 года она летит самолетом компании "Дельта" в Освенцим, где никогда не была. Узницей лагеря смерти была ее мать, а Хадасса летит в качестве делегата США, почетного гостя на церемонию по случаю 50-летней годовщины освобождения Освенцима от нацистов.

Жена сенатора от штата Коннектикут Джо Либермана, замечательная женщина, наблюдательная, способная принимать правильные решения, Хадасса Либерман оглядывается на те времена, когда супруги жили скромнее, вспоминает, с чего все начиналось.

Они гуляли по аллеям вокруг своего дома в Коннектикуте, когда ее муж, бывший тогда генеральным прокурором штата, впервые заговорил с ней о своем намерении баллотироваться в сенат США. Она слишком хорошо знала Джо и понимала, что он не шутит, однако недоверчиво спросила:

- Что ты имеешь в виду? Неужели нам придется забрать Этана из Рамаза?

На самом деле в ее голове появилось множество других соображений. Она тогда была беременна четвертым ребенком. Как скажется переезд в Вашингтон на

еврейском образовании ее детей? Как они адаптируются на новом месте, к незнакомой среде? Найдут ли они там ортодоксальную синагогу?

Джо принес тогда домой циркуль, красные фломастеры и набор карт города Вашингтона. Они сели вместе и стали изучать карты. Выяснилось, что из еврейского предместья Джорджтауна можно пешком дойти до Белого дома в случае, если Либерману придется голосовать в субботу. Вышли на контакт с ортодоксальной синагогой Кессер. Джо и Хадасса посмотрели друг на друга и улыбнулись. Джо немедленно позвонил руководителю своей предвыборной кампании:

- Стен, все о'кей! Она поддерживает меня!

За прошедшие семь лет Хадасса убедилась, что тревожилась напрасно. Их ортодоксальные идеалы, которые не в последнюю очередь сыграли свою роль в том, что Джо был избран в сенат, не только остались неприкосновенными, но и завоевали им уважение во всех кругах общества.

В разгар нелегкой борьбы за место в сенате от штата Коннектикут, где число евреев-избирателей не превышает 5%, ирландец Том Фоли, лидер сенатского большинства, демократ, как и Джо, сказал ему и Хадассе:

- Знаете, я думаю, что вы победите Уокера!

- Почему вы так думаете? - спросили оба.

- Видите ли, я только что был у своей матери и поинтересовался, за кого она будет голосовать — за Буша или Дукакиса. За Буша, ответила она. Разочарованный, я спросил ее, кого она будет выбирать в сенат, и получил ответ — Либермана! Она прочла в газетах, что по субботам вы не ведете предвыборную кампанию, и ей понравилось, что Суббота для вас значит больше, чем выборы. А увидев, как целая группа ее католических друзей кивает головами в знак согласия, я подумал: этот парень имеет шанс на победу!

Джозеф и Хадасса Либерман в кругу своих близких.

Когда предсказание Тома Фоли сбылось и новый сенатор завоевал уважение и влияние

в Вашингтоне, Суббота продолжала оставаться для Джозефа и Хадассы Либерман на первом месте. Однажды, когда поздно вечером в пятницу в сенате должно было состояться голосование по бюджету, Хадасса с детьми и всем необходимым для встречи Субботы явилась в кабинет Джо, постелила белую скатерть на письменном столе, и вместе с сенатором от штата Нью-Джерси Фрэнком Лайтенбергом семья выполнила важнейшую заповедь. Когда Джо произносил кидуш, один из помощников сенатора, глядя на панораму Вашингтона, открывавшуюся из окна кабинета, заметил:

— Посмотрите! Понадобился Джо Либерман, чтобы принести в кабинет Харта Субботу!

— Суббота, — говорит с улыбкой Хадасса, — один из элементов нашего спасения. Вечера в пятницу, за исключением тех случаев, когда в сенате происходит голосование, что, впрочем, бывает не так часто, мы проводим вместе. Утром в субботу мы снова вместе, вместе завтракаем и вместе идем в синагогу. Вместе со всеми евреями мира, соблюдающими Субботу, поддерживаем еврейские ценности. Мы знаем, что это важный момент: машины останавливаются.. гонка прекращается. И это — уникальное явление в законодательном органе, по существу никогда не перестающем функционировать.

Праздники Либерманы предпочитают проводить у себя дома в Коннектикуте, но если семья "застревает в городе", Хадасса устраивает там прекрасные трапезы для своей семьи и гостей, коллег мужа.

— Грех жаловаться, — говорит она в своей доброжелательной манере. — В Рош а-Шона и Йом Кипур голосований вообще не бывает. Но если уж Джо обязательно должен оставаться в сенате, как это случилось в последний Суккос, он может добраться до дома пешком.

Хадасса Либерман не считает своей заслугой то, что ее муж единственный член конгресса США, выполняющий требования Торы. Она не отрицает, что это нелегко. Нелегко всякому, кто постоянно участвует в светской и деловой жизни.

Администрация Рейгана в свое время приобрела стеклянную посуду для соблюдающих евреев, предусмотрена возможность получать в Белом доме кошерную пищу. Сенатская столовая привыкла удовлетворять специальные заказы на диетические или вегетарианские блюда, и поэтому никого не удивляет просьба подать кошерную еду. Сенатор Либерман с супругой могут всегда на званом обеде ограничиться салатами и свежими фруктами, а если они устраивают прием у себя — ну, тогда все зависит от них самих!

— Когда Джо приносил присягу, — рассказывает Хадасса, — мы организовали неофициальный прием в одном из залов сената и привезли с собой своего поставщика кошерных продуктов.

Будучи причастной к государственным делам, получая многочисленные приглашения в Белый дом и даже устраивая парадный завтрак в честь жены премьер-министра Израиля, Хадасса Либерман прекрасно справляется с достаточно большими нагрузками.

— Конечно, — признается она, — приходится поволноваться! Я все еще помню, как мы впервые явились на парадный обед в Белом доме, это было при администрации Буша. Как только мы вошли в холл, дворецкий громко назвал наши имена,

и мы с Джо посмотрели друг на друга — это было невероятно! И все же больше всего меня радует то, что, вращаясь в этом мире, я неизменно прихожу затем в свой собственный мирок, в наш духовный центр. Главное — это иметь духовный центр и свою семью рядом, это самое важное для человека!

Супруги Либерман, их дочь Хана и президент Джордж Буш.

Получив приглашение на обед в знак благодарности сенатору Либерману за поддержку Буша во время войны в Персидском заливе, супруги решили отклонить это приглашение. Дело в том, что торжество в Белом доме совпадало с годовщиной их свадьбы. Либерманы знали, что в Вашингтоне принято усаживать мужа с женой не только врозь, но иногда даже в противоположных концах зала. Они же отнюдь не собирались разлучаться в такой знаменательный для них день и по телефону вежливо сообщили о своем решении. Когда причина этого стала известна, для Либерманов было сделано исключение. Одна из дам, присутствовавших на обеде, спросила Хадассу, как случилось, что ее и Джо посадили рядом.

— У нас годовщина свадьбы, — объяснила Хадасса. — Мне было бы очень грустно, если бы нас разъединили в этот день.

В наше время, когда семейные привязанности либо вообще отсутствуют, либо в значительной мере обесценены, Либерманы служат примером не только для других евреев, но и для всех американцев. И хотя Джо занимает ответственные посты в законодательном органе и, помимо этого, является председателем Совета демократического руководства, а Хадассе приходится участвовать во многих просветительских мероприятиях, выполнять общественную работу, супруги строго придерживаются правила не принимать больше одного приглашения в неделю.

— Иначе, — говорит Хадасса, — светские обязанности совсем поглотят нас.

Но для нее, жены сенатора, такой реальной опасности не существует, поскольку привилегия быть участницей жизни Капитолия дает ей возможность приносить радость другим. Как-то она привезла в Белый дом на встречу с президентом своего дядю Бена. Лицо дяди светилось радостью и гордостью, когда глава администрации пожал ему руку и спросил: "Дядя Бен, как поживаете?"

Сенатор Либерман принимает присягу на Торе. Рядом его супруга Хадасса и вице-президент США Альберт Гор.

В отличие от многих других жен вашингтонских высокопоставленных мужей Хадасса никогда не стремится использовать свое положение в личных интересах. Лишь сознание того, что Джо имеет возможность откликаться на тревоги и заботы еврейской общины в целом, радует его жену.

Либерманы — ортодоксальные евреи, но оба они считают себя представителями всего еврейства. Разделяться на группы и течения — значит в конечном счете разобщаться, а разобщение деструктивно.

— Мы должны тянуться ко всем евреям и показывать им всю красоту Торы! — убеждены Джо и Хадасса.

Хадасса акцентировала это свое убеждение, когда побывала в Освенциме. В бывшем концлагере она увидела бараки, где ее мать и множество других евреев подвергались пыткам или были уничтожены, по ее щекам текли слезы, не выплаканные в детстве. Столько раз она видела, как ее мать плачет, вспоминая прошлое! И сейчас, молча идя вдоль железнодорожных путей, Хадасса почувствовала, что в ее руках будущее. Посещение Освенцима утвердило ее в приверженности уже принятым ею для себя идеалам, в правильности ее жизненной линии.

ПО МАТЕРИАЛАМ ЕТА

Американский еврейский конгресс (АЕК) обратился с просьбой к генеральному секретарю ООН Кофи Аннуну отложить открытие Генеральной ассамблеи, которое должно состояться 20 сентября — в Йом Кипур. "Огорчает, что ООН отказывается принять во внимание священный для евреев день, — написал исполнительный директор АЕК Фил Баум. — Мы просим лишь об элементарной справедливости. Хотим, чтобы то отношение и признание, которыми пользуются ислам и христианство, распространялись и на иудаизм". У Баума не вызывает удивления тот факт, что Йом Кипур игнорируется организацией: "ООН очень часто демонстрирует такое отношение к Израилю". Президент США Билл Клинтон отказался выступить перед ассамблеей в день намеченного открытия именно из-за еврейского праздника. Он появится перед членами всемирной организации на следующий день.

Президент Билл Клинтон наградил Эдгара Бронфмана, президента Всемирного еврейского конгресса (ВЕК), высшей гражданской наградой государства — Президентской медалью свободы. Бронфман, которого Клинтон назвал "могущественным защитником прав человека", способствовал освобождению советских евреев в 80-е годы и требовал справедливости для переживших Холокост в 90-е. На приеме после церемонии вручения награды Бронфману в числе восьми американцев Клинтон заверил генерального секретаря ВЕК Исраэля Сингера, что он полностью поддерживает усилия этой организации, направленные на получение компенсаций пережившим Холокост.

В больнице Франкфурта 13 августа в возрасте 72 лет скончался лидер еврейской общины Германии Игнац Бубис. Этот человек был очевидцем уничтожения германского еврейства в Холокосте, сам выжил, чтобы затем участвовать в возрождении еврейской жизни на его родине.

В соответствии с его желанием, высказанным за несколько недель до смерти, он был похоронен в Тель-Авиве. Это свое желание Бубис объяснил тем, что ему не удалось убедить немцев в их способности уйти от своего прошлого. Он говорил, что на них, на немцах, лежит уникальная ответственность и именно они должны нести память о Холокосте другим народам, чтобы предотвратить нечто подобное в будущем. Лидер еврейской общины опасался, что и его могила будет осквернена, как это случилось с могилой его предшественника Ганса Галинского. На кладбище Кирьят-Шауль в Тель-Авиве присутствовали около 200 человек, в том числе президент Германии Йоханнес Рау и президент Израиля Эзер Вейцман.

Бубис много делал для того, чтобы немцы не пошли по пути нетерпимости, которая может привести к повторению Холокоста. Однако, по его мнению, реальная память о трагедии второй мировой войны теперь все чаще заменяется мемориальными камнями и музеями. Он обвинял себя самого в том, что его германские сограждане не учатся на трагических уроках истории.

- Мне стыдно за вас, — сказал он с подиума в Берлине, когда в 1992 году неонацисты забросали камнями и помидорами демонстрантов, протестовавших против расизма.

Еврейские лидеры Германии и других стран, германские политики, которые вступали в полемику с Бубисом, скорбят о нем. И при том, что Бубис совсем недавно с грустью говорил о дистанции, разделяющей евреев и неевреев Германии, канцлер этой

страны Герхард Шредер сказал, что Германия потеряла человека, который "обеспечил евреям возможность увидеть здесь свое будущее".

В результате иммиграции евреев из бывшего Советского Союза еврейская община Германии увеличилась более чем вдвое, ее численность к настоящему времени превысила 75000 человек. Это произошло за последние 7 лет, когда Бубис стоял во главе общины.

Свиток Торы намечено внести в единственную синагогу, оставшуюся в польском городе Освенциме, 30 августа. Торжественная закладка образовательного и культурного центра, который планируется построить рядом с синагогой, будет произведена в ноябре.

Расист Бафорд О'Нил Фарроу, напавший 10 августа на еврейский общинный центр в Лос-Анджелесе, до этого проводил разведку в трех еврейских организациях, когда принимал решение, где же совершить теракт. По данным, которыми располагает директор Центра Симона Визенталя раввин Марвин Хайер, две из них — это Центр Симона Визенталя и Университет иудаизма. Газета "Лос Анджелес Таймс" третьей назвала Еврейский музей в культурном центре Скирболл.

Проникнув в еврейский общинный центр Северной долины Лос-Анджелеса, террорист открыл стрельбу, что, по его заявлению, должно было явиться сигналом для Америки "начать убивать евреев". Ранив пять человек, он скрылся и через сутки сам сдался в руки ФБР в Лас-Вегасе.

Самые тяжелые ранения получил 5-летний мальчик: одна пуля попала ему в живот, другая - в ногу. После шестичасовой операции состояние раненого оставалось тяжелым, но стабильным. Менее тяжело были ранены 68-летняя консьержка, 16-летняя воспитательница и двое 6-летних ребят.

Нападение на общинный центр потрясло членов еврейской общины и заставило руководство различных еврейских организаций рассмотреть вопрос об усилении охраны общинных объектов. Калифорнийские евреи еще не пришли в себя после поджога трех синагог в Сакраменто, совершенных 18 июня.

17-летняя няня детского сада общинного центра Карли Моргенштерн, которая в момент нападения занималась с 14 детьми в классной комнате, рассказала, что услышала выстрелы, а потом уже увидела другую воспитательницу, раненную в ногу. Взрослые быстро собрали детей и побежали с ними через улицу к месту парковки автомобилей.

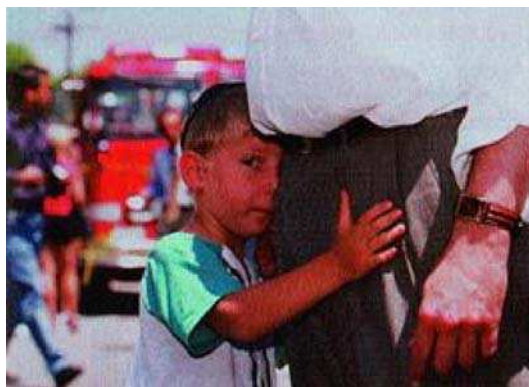
В центре никогда раньше не проводили инструктажа по тому, как вести себя в случае пожара и другой опасности.

— Я никогда не думала об опасности, мне и в голову не приходило, что нам может понадобиться охранник, — говорила Карли. — Наш центр находится в таком спокойном месте, здесь все друг друга знают.

Последнее происшествие вынудило американскую организацию, объединяющую все еврейские общины страны, которая так и называется Объединенные еврейские общины, и Лигу по борьбе с диффамацией (ADL) создать альянс по информированию людей, как поступать в экстраординарных ситуациях. Это особенно актуально в свете приближающихся осенних праздников и начала учебного года. В течение нескольких недель будет открыта горячая линия безопасности, а инструкция поведения при чрезвычайных обстоятельствах, созданная ADL, будет помещена в Интернет.

В документе, распространенном 11 августа, всем еврейским центрам предлагается связаться с отделениями местной полиции и принять необходимые меры предосторожности. В нем отмечено, как "спокойно и взвешенно" все еврейские центры страны "реагируют на создающуюся ситуацию", как "стремительно и мужественно вели себя в этот трудный момент" руководители центра, подвергшегося нападению, полиция и пожарные штата.

Власти сообщили, что 37-летнему Фарроу предъявлено обвинение в попытке совершить 5 убийств, его будут судить в Лос-Анджелесе. Не исключено, что ему будет предъявлено обвинение и в попрании гражданских прав.

Стало известно, что Фарроу страдал психическими расстройствами, совершал уголовные преступления, был связан с различными расистскими и антисемитскими организациями. Он был членом организации "Арийские нации", декларирующей превосходство белой расы. В микроавтобусе, брошенном им после совершения теракта, обнаружена книга Ричарда Келли Хоскинса, бывшего члена Американской нацистской партии, сторонника антисемитского движения "Христианское самосознание".

- Хоскинс убежден, что в евреях таится сатанинская угроза цивилизации, а "цветные" - недочеловеки, - рассказал Марвин Хайер.

Недавно Фарроу "нанес визит" в Музей терпимости, основанный Центром Симона Визенталя, откуда был выдворен за "недопустимое" поведение.

Фарроу — житель города Олимпия штата Вашингтон. По некоторым сведениям, какое-то время у него была связь с Дэбби Мэтьюз, вдовой Роберта Мэтьюза, основателя расистской организации "Порядок", убитого в 1984 году при перестрелке с агентами федеральной службы безопасности. 22 члена "Порядка" обвинялись во многих преступлениях, в том числе в убийстве в 1984 году еврейского шоумена из Денвера Алана Берга.

Фарроу будет также предъявлено обвинение в убийстве 39-летнего почтальона Джозефа Илето, застреленного в Лос-Анджелесе через час после нападения на еврейский центр. Несколько пуль настигли Илето, возвращавшегося к своей машине после доставки им почты очередному клиенту.

Все происшедшее подняло в стране волну требований ужесточить законы о владении оружием.

Некоторые американские законодатели и защитники идеи усиления контроля над владением оружием говорят, что настала пора принять закон, ограничивающий продажу оружия. Сенат уже принял закон, согласно которому лица, покупающие оружие на выставках, обязаны будут представить документы о происхождении их платежных

чеков; запрещается импорт магазинов, содержащих более 10 зарядов, запоры и другие предохранительные устройства должны продаваться вместе с ручным стрелковым оружием.

Однако палата представителей, вняв решительным протестам Национальной оружейной ассоциации, отказалась утвердить этот закон. После июльских событий еврейские активисты еще раз воззвали к конгрессу.

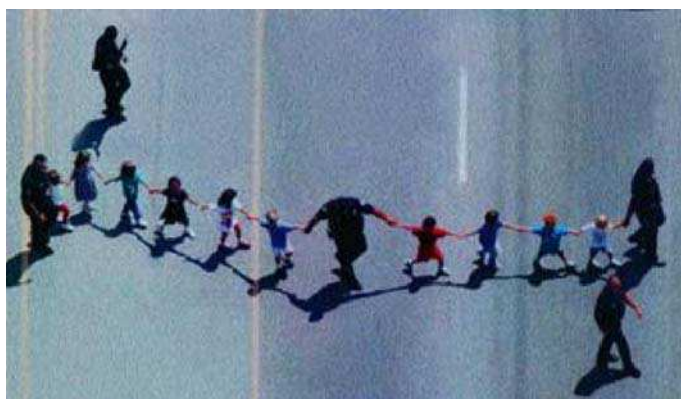
В ближайшее время должна состояться встреча американских еврейских лидеров с президентом Биллом Клинтон, на которой будут обсуждаться вопросы, связанные с необходимостью усилить контроль за владением оружием и волной антисемитских терактов, прокатившейся от Иллинойса до Калифорнии.

Билл Клинтон, выступая в день калифорнийского теракта, назвал его "еще одним бессмысленным актом насилия". Но президент весьма сдержанно высказался в отношении законодательного усиления контроля за владением оружием: "Случившееся призывает нас не только обратиться мыслями и молитвами к жертвам и их семьям, но и заставляет предпринять усилия, чтобы сделать Америку безопасной страной."

Через несколько дней после теракта в еврейском общинном центре была осквернена синагога в Лос-Анджелесе. Вандалы начертали на здании синагоги свастики и надписи "Смерть евреям". Планируется усилить охрану здания к приближающимся праздникам.

Израильский бизнесмен, против собственных ожиданий, обеспечил полицию уликой, связывающей двух братьев с поджогами трех калифорнийских синагог 18 июня. Узнав о поджогах в Сакраменто, Михаэль Звебнер предложил награду в 10000 долларов за информацию, которая может привести на след преступников. Недавно, когда федеральные и местные сыщики обыскивали дом братьев, обвиняемых в убийстве двух гомосексуалистов в северной Калифорнии 1 июля, они обнаружили блокнот, содержащий "список жертв", который включал такую запись: "Звебнер, жид-бизнесмен, 10000 долларов — награда за нас".

Расистская организация, членом которой когда-то был террорист, напавший на еврейский общинный центр, намерена провести демонстрацию в штате Айдахо в субботу, 4 сентября. Еврейская лига обороны заявила о выходе в этот день на улицу с контрмаршем.

Городские власти Буэнос-Айреса приняли закон, по которому 18 июля объявляется Днем памяти жертв взрыва в еврейском общинном центре в 1994 году. В этот

день государственные флаги в аргентинской столице будут наполовину приспущены и специальные тексты будут читать во всех начальных и средних школах города.

В пятую годовщину взрыва в еврейском общинном центре в Буэнос-Айресе Сохнут получил угрозы следующего содержания: "Пять лет назад вы уцелели, но на этот раз так хорошо для вас это не кончится", — сказал позвонивший в представительство агентства в Аргентине. Этот звонок, а также письмо с угрозами, полученное представительством Сохнута в Новосибирске, заставили агентство усилить меры безопасности в нескольких своих представительствах в разных странах мира.

В Чили рассматривается вопрос о создании специального комитета по розыску нацистов, живущих в стране. Имеются сведения о том, что группа нацистов скрывается в секретном анклав на юге Чили.

Палата представителей американского конгресса проголосовала за то, чтобы США потребовали от палестинцев компенсации для американских жертв терроризма. Эта мера является частью законодательных инициатив, которые предлагаются к рассмотрению обеими палатами конгресса в ближайшее время. По новому закону госдепартамент каждые полгода должен будет докладывать конгрессу о том, как продвигаются дела по высылке палестинских террористов, подозреваемых в совершении терактов, начиная со взрыва 1993 года, в результате которого погибли американские граждане.

Мэр-коммунист Ставрополя Михаил Кузьмин высказался в поддержку самой крупной ультранационалистической организации России Русское национальное единство (РНЕ) и заявил, что у организации есть сторонники в верхних эшелонах власти. Эту свою позицию мэр изложил на встрече с министром МВД Владимиром Рушайло. Кузьмин не видит разницы между членством в РНЕ и в коммунистической партии. В июле в Ставрополе состоялся съезд РНЕ, собравший 250 активистов движения. Съезд был санкционирован местной администрацией.

Как показал опрос, проведенный Фондом общественного мнения, три четверти россиян убеждены, что все граждане страны, независимо от их происхождения, должны пользоваться равными правами. Однако треть опрошенных считает, что этническое происхождение человека должно приниматься во внимание при его выборе или назначении на ведущую должность. 56% респондентов с таким мнением не согласны.

78% опрошенных полагают, что все молодые россияне должны иметь свободный доступ к образованию, а 16% придерживаются мнения, что это право следует предоставлять только этническим русским.

22% участников опроса согласны с тем, что теории национального превосходства могут иметь свободное хождение в обществе. Большинство же, 59% респондентов, высказалось в пользу того, что распространение подобных идей должно караться законом.

По данным Сохнута, эмиграция российских евреев в Израиль достигла в 1999 году наивысшей отметки со времени массовой алии в конце 80-х — начале 90-х годов.

- Если тенденция сохранится, то в Израиль в этом году переедут 30000 евреев из России - такого размаха алия не достигала с 1992 года, - отметил председатель еврейского агентства Саллай Меридор.

Эксперты агентства связывают подъем алии с экономическим кризисом и страхом перед растущим антисемитизмом.

За первые шесть месяцев этого года в Израиль прибыли 12188 евреев, что на 128% больше иммиграционного потока за тот же период прошлого года.

Евреи из России составляют почти половину всех евреев-иммигрантов (25516), совершивших алию с территории бывшего СССР за первое полугодие нынешнего года.

В предыдущие годы количество таких олим в общем потоке алии с территории бывшего Советского Союза не превышало 30%. В этом году Израиль ждет 60000 новых репатриантов из стран СНГ. В прошлом году туда из этих стран прибыли на постоянное жительство 46000 человек. С 1989 года из бывшего СССР в Израиль эмигрировали более 800000 человек.

Рассекреченные британские документы свидетельствуют о том, что правительство Великобритании заблокировало секретный план американцев по спасению тысяч евреев из концлагерей. План заключался в обмене евреев, имеющих паспорта какой-либо из стран Латинской Америки и удерживаемых в Германии или на оккупированной ею территории, на немцев, живущих в Латинской Америке. Но министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден отказался от плана, предложенного Соединенными Штатами 14 июня 1944 года, так как полагал, что освобожденные евреи отправятся в Палестину, которая в то время находилась под британским мандатом, и таким образом добавят Великобритании проблем. Иден также опасался, что возвращение в Германию боеспособных немцев окажется полезным для воюющей с Великобританией страны.

Отказ Великобритании осуществить план обмена вызвал недовольство Вашингтона. Американские политики были потрясены состоянием заключенных лагеря Берген-Бельзен, освобожденных в результате другого обмена гражданских лиц.

Американцы предложили свой план, когда дипломаты сообщили, как много немцев находится в странах Латинской Америки, где они были интернированы или находились под строгим домашним арестом, в то время как в концлагерях содержатся тысячи граждан латиноамериканских стран.

"Большинство держателей латиноамериканских паспортов — евреи, которые могли бы стать иммигрантами в Палестине, — писал Иден в ноябре 1944 года послу Великобритании в Уругвае Гордону Верекеру. — Латиноамериканские паспорта хороши для передвижений, то есть они обеспечили бы их держателям возможность уйти от врага или с оккупированной территории. Сомнительно, чтобы обмен, предложенный правительством Соединенных Штатов, когда-нибудь удалось осуществить". Министр выразил надежду, что "германское правительство не станет уничтожать этих людей и будет содержать их в лагерях, открытых для внешних инспекций", если будет известно, что возможен их обмен на немцев.

Британские дипломаты в Южной Америке также оспаривали списки немецких граждан, переданные им Соединенными Штатами. "Попав в Германию, все они способны принести пользу своей стране, — писал Верекер. — Многие обладают качествами, которые позволят им внести значительный вклад в дело Германии... Например, кажется абсурдным предложение отправить в Германию высококвалифицированных банковских служащих. Здесь они ничего не делают, но получают зарплату. Любые подобные действия обязательно будут неправильно поняты, они породят всякие домыслы, что мы проявили мягкость и сочувствие по отношению к немцам".

В феврале 1945 года госдепартамент США был настолько раздражен британскими проволочками, что направил в Лондон весьма эмоциональное письмо. "Департамент получил невероятно удручающие доклады о физическом состоянии несчастных из Берген-Бельзена, освобожденных в ходе последнего обмена гражданских лиц. Пятеро из них умерли от недоедания вскоре после приезда в Швейцарию, шестой умер на этой неделе. И потому безотлагательное обнародование списков немцев, подлежащих обмену, — вопрос наивысшей гуманитарной важности. Эти списки должны включать достаточное количество имен, чтобы послужить основанием для освобождения из заключения, что равносильно спасению от верной смерти нескольких тысяч несчастных обладателей латиноамериканских паспортов, которых немцы удерживают в концлагерях".

К тому времени, когда лорд Галифакс, тогдашний посол Великобритании в Вашингтоне, переслал этот документ Верекеру, успехи союзников были так велики, что американский план обмена приобрел уже чисто "академический интерес".

После войны британские дипломаты в Южной Америке были огорчены тем, что Соединенные Штаты оказали противодействие плану высылки из латиноамериканских стран этих "несносных немцев".

Посол Великобритании в Венесуэле отмечал "безучастие" американцев к этим планам, хотя "высылка несносных немцев с этой территории куда больше заботит Соединенные Штаты, чем Великобританию".

Эти документы, которые предполагалось рассекретить не раньше 2021 года, получили сейчас огласку в Лондоне в рамках правительственной инициативы.

Всемирный еврейский конгресс заявил, что опротестует доклад правительства Португалии, в котором оправдываются португальские финансовые сделки с нацистами во время второй мировой войны. В газетной публикации со ссылкой на исполнительного директора ВЕК Илана Стайнберга говорится, что подробный ответ на доклад будет готов к середине сентября — до начала сессии Генеральной ассамблеи ООН.

Сенатор от штата Нью-Йорк Чарлз Шумер обратился к Хиллари Клинтон, вступившей в борьбу за сенатское кресло, с призывом обнародовать заявление общественности в поддержку освобождения американского гражданина Джонатана Полларда, который отбывает пожизненное заключение за шпионаж в пользу Израиля. На это же место в сенате претендует нынешний мэр Нью-Йорка Рудольф Джулиани, уже неоднократно высказывавшийся в поддержку Полларда.

Председатель палестинской администрации Ясер Арафат отпраздновал свое 70-летие. Рассуждая о своей жизни, он сказал, что "это было трудное путешествие, но оно всегда вело к освобождению". В свой день рождения он хотел бы себе пожелать когда-нибудь молиться в Иерусалиме, "столице палестинского государства".

Дети Адольфа Эйхмана претендуют на передачу им мемуаров, написанных их отцом в израильской тюрьме в 1962 году в ожидании смертной казни за совершенные им нацистские преступления. Сотрудник национального архива Израиля, где хранится рукопись Эйхмана, Авитар Фризел считает, что этот документ должен стать достоянием публики, но только после того как будет решен вопрос о том, кому он принадлежит по праву.

Случилось так, что война в его родном Косово привела 24-летнего Астрида Кучи в Израиль. Ему оставалось всего два месяца до окончания стоматологического факультета Приштинского университета, когда сербские войска вошли в провинцию и силой выгнали оттуда тысячи албанцев. Лишившись дома, Кучи начал работать в команде израильских медиков, размещенной в лагере беженцев в Македонии. Потом он стал одним из 217 косовских беженцев, получивших временное убежище в Израиле.

- Я знал, что это страна на Ближнем Востоке, которая находится в состоянии войны со своими соседями, и думал, что она представляет собой один большой военный лагерь, - говорит Кучи.

Когда израильские власти опубликовали приглашение беженцам провести тяжелые для них дни в Израиле, им пришлось потрудиться, чтобы найти желающих поехать в еврейское государство. Германия и Соединенные Штаты были куда более привлекательны для косовских беженцев.

Но 28 июля 145 беженцев вернулись домой преданными друзьями Израиля.

- Все, что израильтяне, работавшие в македонском лагере беженцев, рассказывали мне о своей стране, оказалось правдой, - говорил Кучи, сопровождавший группу косовских детей во время прощальной экскурсии по Тель-Авиву. - Во время войны мне дважды повезло. Мой дом в Приштине не был разрушен, и я получил возможность узнать Израиль.

Проект помощи косовским беженцам был предложен в Песах председателем Сохнута Салаем Меридором. Агентство было также ответственно за отправку 12 самолетов с гуманитарной помощью в лагеря беженцев в Албании и Македонии. Учитывая удачный опыт абсорбции беженцев из Боснии несколько лет назад, израильское правительство решило предоставить убежище беженцам из Косово.

Первую группу беженцев принял кибуц Мааган Михаэль, вторая группа прибыла в кибуц Крамим. Кроме косовских албанцев в Израиле получили убежище 274 еврея из Сербии, 95 из них совершили алию. 40 молодых сербских евреев сейчас живут в молодежных поселениях в Негеве.

72 косовских албанца, 6 семей, пока не вернулись домой. Они намерены оставаться в Израиле все 6 месяцев — срок, который израильское правительство разрешило им жить в стране, до октября.

Во время пребывания косовцев в Израиле у них родилось двое детей — косовских "сабров".

Кучи приехал в Израиль со всей своей семьей - с родителями, братом и сестрой. Брат Притом влюбился в израильтянку — армейского офицера. Астрид же влюбился в страну.

- Я путешествовал по Израилю, изъездил его из конца в конец - из Эйлата в Тверию, из Хайфы в Иерусалим. И мне все было мало. Я представить себе не мог, как прекрасна эта страна, как приветливы здесь люди.

Беженцы работали в израильских кибуцах и совершали ознакомительные поездки по стране, организованные еврейским агентством. Некоторые изучали иврит, специальные занятия проводили с детьми. Первоначально беженцы должны были вернуться домой 26 июля. Планировалось, что самолет доставит их в Македонию, для чего он должен был пересечь египетское воздушное пространство. Однако Египет разрешения на это не дал.

- За час до посадки в самолет нам сообщили, что рейс откладывается на два дня, - рассказал Кучи. - Я расстроился, хотелось поскорее домой!

Чтобы как-то занять беженцев на время отсрочки рейса, им устроили прощальную поездку по Тель-Авиву.

- Я очень радуюсь возвращению домой. И одновременно грущу, расставаясь с Израилем. Я буду по нему скучать, - сказал Кучи. - Впервые в жизни мне довелось почувствовать, что такое мир.

Когда первая партия беженцев приехала в кибуц Мааган Михаэль, местная газета соседнего городка Зихрон-Яков опубликовала объявление, призывающее местное население помочь беженцам. Шелли и Ави Маутнер из Зихрон-Якова приехали в кибуц с подарками для беженцев, вступили с ними в беседу. Притому и Астриду Кучи они предложили поддерживать связь в будущем.

- Они стали нашей семьей, - сказал Ави Маутнер.

- Они помогали мне, утешали в тяжелые минуты. Без них я бы не справился, - подтвердил Кучи.

Перед отъездом беженцы получили финансовую помощь: каждый взрослый - \$200, подросток — \$100, маленький ребенок - \$30. Эти деньги - часть общественных денег, собранных в самом начале пребывания беженцев в Израиле.

Астрид Кучи, который буквально излучает любовь к израильтянам, совсем по-другому относится к своим соседям сербам в Косово.

- Вчера мы были друзьями, назавтра они превратились в моих врагов. Не готов я после всего происшедшего видеть их своими соседями. Во всяком случае, не сейчас. Может быть, когда-то все и забудется.

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 1999 ТИШРЕЙ 5760 – 9 (89)

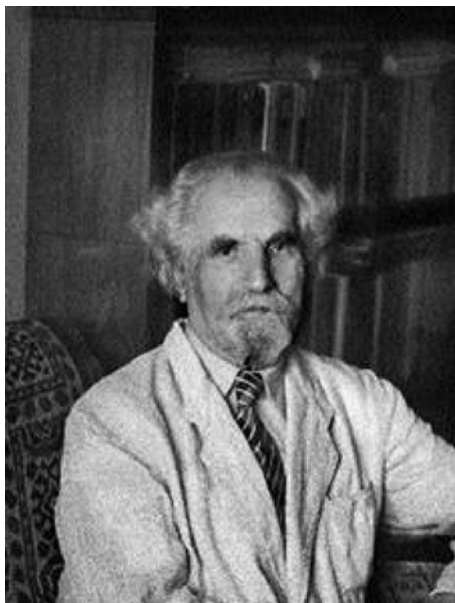
ОЧЕРК ОБ ОТЦЕ

Ī eḏḏā Āmī eḥ

Каждый знает по себе, как в молодости мы неохотно слушаем рассказы старших об их прошедших годах, а потом спохватываемся — хочется о чем-то спросить, но уже поздно. Теперь я, конечно, корю себя, что мало уделяла времени воспоминаниям отца. Но надо сказать, что мне повезло. Мой отец Евсей Маркович (по старым документам Евсей-Фалк Мордухович) Аспиз по просьбе близких записал свои воспоминания. На них я и буду ссылаться, говоря о нем.

Родился Евсей Маркович в 1877 году в Гомеле. В семье было 12 детей. «Родители мои были не бедны, — пишет он о своем детстве. — У нас даже был

собственный дом, и квартиры отец сдавал внаем. Считались людьми среднего достатка, но... Вспоминаю, как мать учила нас, детей, как надо кушать: "хлеб надо взять большой кусок, а мясо или рыбку малюсенький кусочек". Когда кто-нибудь из нас... прибегал за час до обеда и просил что-нибудь покушать, мы получали шлепки за то, что не можем дождаться, когда нас позовут к столу...

Е.М. Аспиз. 1960 год.

Мы далеко не были нищими. Я помню, как к нам, кажется, по вторникам, приходили нищие. Каждая улица имела свой день, когда принимали нищих. Если кто-нибудь приходил в другой день, ему ничего не давали, говорили, придешь во вторник, а во вторник давали по копейке или по полкопейке двум нищим сразу. Если приходил один, то говорили, обождите — придет другой, вместе получите копейку. Нищих было масса. Кроме профессиональных нищих, было еще много полунищих. Я знал целые кварталы, где жили мелкие ремесленники, разносчики, ручные торговцы, которые на ежедневное пропитание кое-как выкручивали необходимые гроши, но раз в месяц они ходили нищенствовать (первый день нового месяца, когда богачи давали нищим по копейке). Они собирали для уплаты за квартиру и необходимое приобретение материи для поправки одежды и пр. Такова была жизнь того времени...

В начале 90-х годов началось культурное движение среди части еврейского населения. Начали (молодежь) изучать русский язык. Стала проникать и русская литература. Состоятельные стали нанимать для своих детей учителей русского языка и готовить их для поступления в гимназии. Проникновение этой культуры произвело сильный перелом в сознании молодежи. Старозаветная обрядная жизнь стала казаться молодежи бессмысленной, появились атеистические настроения — убеждения. Это было только у части молодежи. Отцам это казалось ужасным. Разлад "отцов и детей" здесь был гораздо более трагичным, чем у Тургенева».

Как и все дети в семье, Евсей (дома его обычно называли Фалэ) посещал хедер, а в 12 лет он поступил в бесплатное городское училище, где учился 5 лет. Родительских средств хватало лишь на платное обучение в гимназии старшего из братьев, Шолома. Впоследствии он стал одним из самых популярных школьных учителей математики в Гомеле.

По окончании училища Евсей отправился в Могилев (там жили родственники семьи), чтобы поступить в фельдшерскую школу, которая готовила фельдшеров для сельских медицинских пунктов.

В 1896 году дипломированный фельдшер едет в Киев с намерением подготовиться на аттестат зрелости и поступить в университет, где уже учился Шолом, подрабатывавший репетитором по математике.

Вместе с братом и его друзьями Евсей выходит на студенческую политическую демонстрацию, все участники которой были препровождены в тюрьму. Большинство их через несколько дней выпустили на волю. Для Шолома это был уже второй арест, и его продержали в заключении несколько месяцев, после чего выслали под надзор полиции в уездный город Могилевской губернии Рогачев. Евсея выпустили через пять недель без права жительства в университетских городах, и ему пришлось вернуться в Гомель. Вскоре выяснилось, что молодой человек болен туберкулезом легких — заразился в тюрьме. О том времени он писал: «Врач пришел ко мне, когда у меня сидели два товарища. Когда врач уходил, мои товарищи пошли его провожать и остановились в коридоре, а я зашел в соседнюю комнату, открытое окно которой выходило в коридор, и вот слышу продолжение их разговора: "Так неужели он не выздоровеет?" — "Ну как он может выздороветь? Я же говорю вам, что у него чахотка". — "Сколько же он будет жить?" — "Я думаю, что еще годик проживет".

Когда я услышал, что еще целый год могу жить, я очень обрадовался: целый год, о, сколько еще книжек успею прочесть, сколько партий в шахматы можно будет еще сыграть!

Между прочим, когда через много лет после этого я, работая доктором в туберкулезном санатории, читал лекции о туберкулезе, я рассказывал об этом случае и прибавлял: "Если бы, когда я услышал, что мне жить один год, пал бы духом, то я бы и упал, а так как я тогда обрадовался, то радуюсь до сих пор". Я понемножку поправлялся. Меня часто навещали товарищи. В это время в нашем городе уже образовался кружок для подпольной работы среди рабочих. Я как больной и, главное, как поднадзорный не ходил на собрания, но был в курсе этого».

В 1898 году в Минске состоялся первый съезд Российской социал-демократической рабочей партии. Возвратившиеся в Гомель его участники распространяли прокламации среди рабочих. Все поднадзорные были арестованы, в том числе и Е. Аспиз. Полугодичное заключение, конечно, сказалось на его здоровье. Из-за обострения болезни врачи рекомендовали ему переехать жить в Крым. Некоторое время он прожил в Симферополе, зарабатывая уроками, а затем отправился в Балаклаву; знакомый из Гомеля снял там для него комнату у хозяйки, с дочерью которой он должен был заниматься русским языком.

Балаклава была тогда самостоятельным городом (теперь она один из районов Севастополя). Практиковавшие в городе два врача, земский и городской, приветливо встретили человека в фельдшерском звании. Так как у него четыре года не было медицинской практики, они предложили ему присутствовать на ежедневных приемах больных. Об этом периоде своей жизни отец писал: "Через несколько месяцев удалось меня устроить помощником городского санитарного врача. Между прочим, когда со мной договаривался городской голова, он заявил мне, что в мои обязанности входит медицинская помощь населению, причем за визиты состоятельные мне будут платить, а бедных я должен обслуживать бесплатно. Вследствие этого происходило так, что когда

меня приглашали состоятельные, которые платили мне, то я в следующий раз приходил только по приглашению, а к бедным приходил к каждому больному и на завтра, и дальше, пока не заявлял ему, что я ему больше не нужен. Из-за этого я прослыл добрым, что особенно люблю бедных. Этим отчасти объясняется, отчего приезжавшие в курортное время в Балаклаву писатели, интеллигенты знакомились и общались со мной".

Летом в Балаклаву, популярный крымский курорт, приезжали художники, актеры, писатели, учителя, врачи, студенты, курсистки. В местной библиотеке было много книг, свежих газет и журналов. По вечерам туда собиралась курортная публика. Заведующая библиотекой-читальней Е.Д. Левенсон, находившаяся под надзором полиции, осенью 1905 года завела альбом, в котором оставили свои записи многие известные деятели искусства и литературы. После смерти Левенсон альбом хранился у моего отца, он впоследствии сдал его в отдел рукописей Российской библиотеки (об этом написано в Записках отдела рукописей библиотеки им. Ленина, 1959, вып. 21, с.126—127).

На первой странице альбома писатель А.И. Куприн оставил свое четверостишие:

Что за странная пора!

Что за век теперь такой!

То вопили мы "Ура!"

А теперь кричим "Долой!"

Датировано четверостишие сентябрем 1905 года. А в ноябре в Севастополе началось вооруженное восстание на крейсере "Очаков". Во время восстания Куприн находился в Севастополе, он был свидетелем и его трагического финала, когда орудия севастопольской крепости открыли огонь по крейсеру и на нем начался пожар. Все, что он видел, Куприн описал в очерке "События в Севастополе", опубликованном в петербургской газете "Наша жизнь" (1905, 1 декабря). После появления этого очерка командующий Черноморским флотом вице-адмирал Г.П. Чухнин отдал 7 декабря 1905 года распоряжение о высылке Куприна в 24 часа за пределы севастопольского градоначальства.

Слева направо: Ф.Д. Батюшков, А.И. Куприн, Е.М. Аспиз. Балаклава, 1906 год.

Но Куприн был не просто очевидцем восстания. Он помогал спасшимся с "Очакова" матросам укрыться от преследования. Его активным помощником был Е.М. Аспиз, который оказывал и медицинскую помощь раненым.

Спасение матросов описано Куприным в рассказе "Гусеница". В шеститомном издании произведений писателя (М. 1958) в примечаниях к 5-му тому, относящихся к этому рассказу, приведены выдержки из воспоминаний

Е.М. Аспиза. Полностью воспоминания отца об этих событиях опубликованы в альманахе "Крым" (1959, №23). Издающаяся в Париже газета "Русские новости" откликнулась на эту публикацию статьей "Новое о Куприне" (1960, 26 апреля).

В своих воспоминаниях отец пишет и о том, что происходило с ним после начавшейся затем реакции: «В Балаклаве по распоряжению начальства были уволены библиотекарь Левенсон и я. В газете "Русское слово" от 27 января 1906 года появилась в этой связи такая телеграмма: "Балаклава. Администрация потребовала удаления заведующей городской библиотекой Левенсон и городского фельдшера Аспиза". На ходатайство балаклавского городского головы оставить их ввиду того, что их нечем заменить, последовал ответ: "Если не удалят, вышлю голову".

Эту газету прочел Александр Иванович.

Я еще был в Балаклаве, как вдруг получаю телеграмму из Питера от Куприна: "Сообщите телеграммой, по какому адресу выслать Вам деньги". Я ответил, что в деньгах не нуждаюсь, что выезжаю в Гомель к родителям, откуда и напишу ему. Вскоре я получил от Куприна письмо, в котором он с женой приглашали меня приехать к ним в Питер — погостить у них. Это удалось только в конце года. В это время старший друг Куприна Федор Дмитриевич Батюшков увез Александра Ивановича к себе в деревню, в имение Даниловское, которое раньше принадлежало его родственнику — известному поэту Константину Батюшкову. И вот как-то ко мне явился Ф.Д. Батюшков и стал уговаривать меня поехать в Даниловское, пожить там с Куприным... А уж как это было бы хорошо для Александра Ивановича! Он Вас любит. Вы на него хорошо действуете».

Об этой своей поездке отец рассказал в очерке "С А.И. Куприным в Даниловском", опубликованном в альманахе "Литературная Вологда" (1959, №5).

Отец неоднократно гостил у Куприна в Петербурге, ездил к нему и в Одессу. Писатель увековечил имя Аспиза в своей повести "Листригоны" — "Добродушный фельдшер Евсей Маркович". В книге Л. Рудневой "Последние листригоны" одна из глав называется "Аспиз" (М., 1983). Дружеская связь отца с Куприным длилась всю жизнь. "Я Вас люблю по-прежнему", — писал Александр Иванович Аспизу спустя много лет после их встреч в Балаклаве.

Через всю жизнь прошла дружба Е.М. Аспиза и с русским писателем С.Г. Скитальцем, часто и надолго приезжавшим в Балаклаву. В альбом, о котором говорилось выше, Скиталец в 1909 году написал: ..."Нигде в Крыму не удалось нам жить уютно и спокойно, кроме Балаклавы. Я объясняю эту удачу встречей с Е.М. Аспизом и лицами, причастными к здешней библиотеке. Мы все сблизились в такую дружную компанию, что отныне Балаклава сделалась для меня чем-то родным, куда, вероятно, я еще много раз буду возвращаться". На хранящихся в нашей семье книгах Скитальца имеются

дарственные надписи. На одной — обыкновенная любезная: "Нежно любимому Евсею Марковичу в знак чувств" (С.-П., 1903), на другой — со свойственной Скитальцу эксцентричностью: "Балаклавскому Императору и моему другу государю Евсею Марковичу для памяти о бедном авторе этой книжки на многие лета" (С.-П., 1907). Здесь уместно привести отрывок из воспоминаний отца: "В 1912 году у меня был обыск. Вот жандармский офицер прочел эту надпись, понес и показал книгу жандармскому капитану — начальнику. Тот прочитал и с гневом бросил книжку об пол со словами: Возмутительные шутки позволяют себе эти писатели".

Много лет отец был лечащим врачом Скитальца, который считал, что даже просто приход его уже оказывает целебное действие.

В "Вопросах литературы" (1991, ноябрь—декабрь) напечатаны воспоминания Аспиза о М.П. Арцыбашеве и письма писателя к нему, из которых видно, что их связывали общие интересы, касавшиеся литературы, общественной жизни.

Дружеские отношения Евсей Маркович поддерживал с матерью художника В.А. Серова — Валентиной Семеновной, они переписывались много лет.

Отец был необычайно популярен в Балаклаве. В 1910 году писатель С.Я. Елпатьевский, рекомендуя Владимиру Галактионовичу Короленко Балаклаву, советовал обратиться к Е.М. Аспизу: "Это превосходный человек, друг и любимец всей балаклавской бедноты, превосходно знающий всю Балаклаву, и лучше всех сумеет устроить Вас".

Когда я в 1976 году посетила Балаклаву, больше чем через полвека после того как отец покинул ее, меня там по-родственному встречали старожилы и их потомки. Для них имя Евсея Марковича было легендарным, произносилось оно с любовью и уважением.

К 1914 году Евсей Маркович, поднакопив денег и в совершенстве овладев французским языком, собрался поехать во Францию, чтобы получить врачебное образование. Как политически неблагонадежный, он был лишен права поступить в высшее учебное заведение России. Начавшаяся империалистическая война разрушила его планы.

В 1919 году убежденный холостяк Евсей Аспиз женился на Фане Гиммельфарб (1890—1978), приехавшей в Балаклаву после окончания Харьковского медицинского института. В период встреч будущих супругов их приятель поэт Л.И. Повицкий написал шутливое четверостишие:

На Вашем золотом лице

Сегодня краски будто ярче,

Вы словно в огненном кольце -

Что с Вами, балаклавский старче?

Ватина, Зоден, М.
Дуретей, Гинзбург, Н.А.
Евсей Маркович.
Конечно, в том же роде Ватина
принимать. Чем скорее вы приедете,
тем лучше. Число дней в
лете Комната и кроватей.

Ваш
А. Купцов

Через два года после женитьбы у них родилась дочь, единственная дочь — автор этого очерка. В 1922 году семья переехала в Москву.

По профсоюзному набору Е.М. Аспиз становится студентом медицинского факультета 2-го Московского университета. Ректор проводил собеседование с поступающими, его интересовал их общий культурный уровень. После обстоятельных ответов Аспиза по отечественной литературе ректор спросил, кого из иностранных авторов он знает. Выяснилось, что абитуриент читал Мопассана, Бальзака, Золя в подлиннике. Дальше беседа продолжалась на разные темы, в том числе и медицинские, уже по-французски.

В течение 22 лет в Балаклаве отец формально считался фельдшером, но по существу выполнял работу врача. Неудивительно, что за три года он блестяще заканчивает университет и становится дипломированным врачом. Специализировался он по туберкулезу, что было связано, как он говорил, с его собственным заболеванием. Еще долго, вплоть до начала Великой Отечественной войны, к нему из Крыма приезжали его старые пациенты, их дети и внуки, уверенные, что только он может их вылечить. Об этом пишет в своей книге упомянутая выше Л. Руднева.

Е.М. Аспиз. Балаклава, 1906 год.

Отец был удивительным диагностом. По виду больного, по его глазам он определял, какой орган у пациента требует лечения. Ему достаточно было приложить палец к телу больного, чтобы с точностью до десятых градуса узнать, какая у него температура. По только ему одному известным показателям он без помощи тонометра абсолютно точно "измерял" кровяное давление. В годы, когда при лечении туберкулеза применяли искусственный пневмоторакс (введение воздуха в полость плевры специальной иглой), Аспиза, который виртуозно выполнял эту процедуру, в трудных случаях срочно вызывали в разные стационары. Он работал в московских противотуберкулезных диспансерах, в одном из них консультировал, был врачом на заводе "Нефтегаз". Пять сезонов он лечил туберкулезных больных на башкирском кумысном курорте в Шафранове, несколько лет он был там главным врачом санатория. Административные обязанности тяготили отца, но его настойчивые просьбы об освобождении от них не удовлетворялись. Однажды, когда он с директором курорта направлялся на собрание, где в очередной раз должна была обсуждаться его отставка, навстречу им попался рабочий, развозивший по санаториям питьевую воду. Тот радостно приветствовал Евсея Марковича и стал говорить о том, какой он хороший руководитель, как легко с ним трудящимся: "хочешь — работай, не хочешь — не работай". Этот эпизод, пересказанный на собрании, убедил присутствовавших на нем, что доктору Аспизу лучше выполнять только лечебные функции.

Во время Великой Отечественной войны отец первые два года находился в эвакуации в Казахстане. В городе Джамбуле он, естественно, лечил больных и, кроме того, преподавал в школе медицинских сестер ряд медицинских и биологических предметов, проводил санитарно-просветительскую работу среди населения. После его возвращения в Москву казахские коллеги часто писали отцу, консультировались с ним по медицинским вопросам. Приезжая в столицу, они неизменно останавливались у нас.

Надо сказать, что почти сорок лет мы жили в одной комнате большой коммунальной квартиры. Кухни не было, в коридоре стояла одна четырехконфорочная

газовая плита. Конфликтов, ссор среди населяющих квартиру 20 человек никогда не возникало. Для приезжавших к нам родственников и знакомых из других городов всегда находилось место. На семейные торжества приходило до полсотни гостей, которые располагались и в общем коридоре, дружески общаясь с соседями. Прошло почти сорок лет, как наш дом заняло учреждение и все семьи разъехались по отдельным квартирам. Старшее поколение нашей коммуналки уже отошло в мир иной. Бывшие молодые люди стали дедушками, бабушками и даже прадедушками, прабабушками. И те, кто живы, продолжают общаться. К сожалению, возраст, здоровье и расстояния не позволяют нам видеться столько, сколько хотелось бы, но мы в курсе семейных дел всех, узнавая друг о друге по телефону.

Круг сверстников отца постепенно сужался. Первым из старых друзей, дружба с которым началась еще в Гомеле, ушел из жизни Б.Г. Столпнер (1871—1937) — философ, переводчик Гегеля. В течение многих лет он каждый вечер приходил к отцу играть в шахматы.

Лишился Евсей Маркович и своего приятеля с балаклавских времен — Виктора Рафаиловича Кугеля, крупного издателя, полиграфиста. Он был соратником В. Жаботинского, убежденным сионистом, за что был арестован и расстрелян в Ухтпечлаге в 1938 году.

Жена Кугеля Мария Абрамова была постоянной партнершей моих родителей в карточных играх — 501 и преферансе. Она скончалась в 1974 году, пережив на 4 года свою дочь, подругу моего детства и юности. Их сын Рафаил, инженер, живет теперь в Израиле, его публицистические очерки регулярно печатаются в русских израильских газетах. Он, 11-летний, был первым, кого мой отец встретил в Балаклаве, когда узнал, что у него родилась дочь. Ему он сказал: "Беги, скажи папе, чтобы он не задавался. Я тоже отец!"

Тяжело пережил отец внезапную смерть своего друга литератора А.Б. Дермана (1880—1952), родного дяди мамы, который был моложе его на три года. Они всегда шутили по поводу того, что дядя моложе племянника. К 70-летию дяди племянник написал стихотворение "Спор":

У Казбека с Шат-горою

Был великий спор.

М.Ю. Лермонтов

Племянник мне иль дядя ты?

Об этом мы до хрипоты

С тобою спорим уж полвека.

Достойно ль это человека?

Ведь как-никак, не Шат-гора я,

А ты, сдаётся, не Казбек.

Любовию к тебе сгорая,

Скажу: ты просто — человек.

Давай покончим на таком

И справедливом, и простом

Вопроса трудного решенье,

Чтоб сдать его в архив забвенья.

Родной, прекрасный мой Евсей!

В теченье целого полвека, —

Уж ты поверь, — клянусь, ей-ей,

Не будет краше человека!

Повышено давленье крови

Во мне столь пламенной любовью:

Перемахнуло за пятьсот!

Волнуется, бурлит, ревет!

Души моей ты витамин!

Ты бром! Ты нитроглицерин!

Ты кислород мне! Ты глюкоза!

Ты — сердца моего заноза!

Поэт А. Дерман,

псевдоним "Все-таки дядя"

В 75 лет отец попал в автомобильную катастрофу. Доставленный в больницу с переломом основания черепа, он две недели оставался без сознания, врачи находили его состояние безнадежным. Мы с мамой поочередно постоянно были при нем, вливали ему ложечкой в полукоткрытый рот раствор глюкозы. И случилось, как все считали, чудо: от открыл глаза и спросил, что с ним.

Одному из наших родственников, который справлялся в больнице о состоянии Евсея Марковича, сообщили: "У Аспиз внематочная беременность". Бедный родственник растерялся, но позволил себе усомниться: "Позвольте, ему, во-первых, 75 лет, во-вторых, он мужчина". Когда об этом рассказали только-только приходящему в себя больному, он резонно заметил: "Если и могла быть у меня беременность, то, разумеется, только внематочная". Тогда все уверились в том, что раз он способен шутить, то будет жить.

Этот человек, которому когда-то посулили один год жизни, с одним функционирующим легким, выжил после тяжелейшей травмы.

Сидят слева направо: С.А. Найденов,

И.С. Рукавишников, А.К. Цакни, Е.Д. Левенсон,

М.Н. Тригони, неизвестная, М.Д. Захарчук.

Стоят: Шмундак, Е.М. Аспиз, Найденова,

А.С. Рославлев, Р.З. Захарчук, С.Г. Скиталец.

Балаклава, 1913 год.

Работать он перестал — было трудно пользоваться транспортом. Память же его не давала сбоев, полностью сохранились профессиональные навыки, родные и знакомые продолжили лечиться у него. Ему подарили особую усиливающую мембрану для фонендоскопа, и он слышал лучше, чем молодые врачи с обычным, нормальным слухом. Очки ему не нужны были: возникшая еще в детстве близорукость с годами компенсировалась возрастной дальнозоркостью. Он много читал, в том числе и медицинские журналы, интересовался тем, что происходит в мире. На всю жизнь запомнила его тогда 10-летняя младшая внучка, как дедушка в ужасе закричал: война! Все бросились к побледневшему Евсею Марковичу и узнали о начале Шестидневной войны 1967 года в Израиле.

Часто приходил к нам старинный приятель моих родителей Лев Повицкий, переживший отца на 6 лет. В своем преклонном возрасте он обладал удивительной памятью и мог часами читать наизусть стихи разных поэтов. Он систематически знакомился с новинками поэзии, легко запоминал понравившиеся ему стихотворения и читал их нам. Ко всем семейным событиям, дням рождений он приносил собственные стихи. К 80-летию отца он написал:

Как много хочется сказать Вам в этот день,

Такой торжественный и величавый!

Но что мои слова? — Лишь отблеск, только тень

Заслуженной неоспоримой славы.

Мы наблюдали Вас в тревожные часы,

Когда бурлила кровь в набухших венах,

Когда страна, народ из мертвой полосы

Метнулись ввысь в дерзайших переменах.

Мы знали Вас в часы обычного труда,

Когда с сердечностью врача и друга

Вы неизменно шли с готовностью туда,

Где звал Вас голос тяжкого недуга.

**И в дни былых страшнейших судорог страны,
Когда, казалось, иссякали силы,
Вы, в эти дни тягчайших наших бед войны
Пример гражданской доблести явили.
Вот этот светлый, стойкий, мужественный дух
Струится и сейчас из Ваших глаз спокойных,
Евсей, наш старший брат, наш неизменный друг,
Достойнейший из всех достойных!**

Почти ежедневно бывал у нас живущий неподалеку писатель Н.Н. Никандров, который был моложе отца на один год. Они обычно сидели во дворе, вспоминали былое и обсуждали текущие события. В свое время Никандров был весьма популярен. Его высоко оценил Л. Н. Толстой. Неоднократно хорошо о нем отзывались А.И. Куприн, М. Горький, его рассказы хвалили И.А. Бунин, В.Г. Короленко, А.С. Грин. На подаренном отцу вышедшем к 80-летию писателя однотомнике его "Повестей и рассказов" (М., 1958) автор сделал надпись: "Моему современнику, спутнику по ухабистым переходам через длинный ряд разных эпох, земляку по Крыму и другу по настроениям Евсею Марковичу Аспизу на память о пережитом. С сердечным приветом Н. Никандров". Писатель скончался в 1964 году.

Собеседниками отца постепенно становились преимущественно мои сверстники. В день его 90-летия отца в течение дня посетило более сотни человек. Мама вела регистрацию поздравлявших. Это были в основном друзья мои и моей старшей дочери.

У него была плохая зрительная память. Помню такой забавный случай. Старшеклассницей, до войны, я очень увлекалась игрой артиста Художественного театра М.М. Тарханова. Каково же было мое удивление, когда я однажды увидела своего отца беседующим с моим любимым артистом. После того как они расстались, отец сообщил мне: "Это председатель Московского терапевтического общества". Я побежала за Тархановым, чтобы спросить его, с кем он разговаривал. "О, это один бывший актер. Мы с ним когда-то вместе играли. А теперь постоянно встречаемся. Соседи". Оказалось, что они никогда не затрагивали ни медицинских, ни театральные темы.

Отец часто гулял в старом университетском Ботаническом саду, расположенном недалеко от нашего дома. Там образовался круг интеллигентных пожилых людей, некоторые из них стали приходить к нам в гости. С собой в сад Евсей Маркович брал конфеты — угощать детвору. В день 8 Марта он дарил маленькие букетики цветов женщинам нашего дома и знакомым в Ботаническом саду.

Е.М. Аспиз с женой, дочерью и внучкой Лидой. 1945 год.

До последних своих дней он был, как говорят, на ногах. Ходил гулять, делал мелкие покупки возле дома, это входило в его обязанности, читал газеты, слушал радио. Почувствовав себя плохо, он лег и совершенно спокойно начал периодически анализировать свой пульс и дыхание. Как бы абстрагируясь от себя, словно наблюдая за пациентом, он говорил нам, сколько, по его мнению, можно в таком состоянии оставаться живым. По его просьбе приехал брат мамы врач Яков Михайлович Гиммельфарб. Они весело беседовали, вспоминали прожитые годы, констатируя при этом нараставшее ухудшение разных жизненных показателей “пациента”. Перед уходом дядя сказал отцу: "Я не могу представить себе, как я буду жить без тебя", они были дружны с балаклавских времен. Ночью на 92-м году жизни отец скончался. Яков Михайлович, которому сообщили об этом по телефону, тут же поехал к нам. По дороге его сбила машина, и через три дня он умер.

До последней минуты жизни у отца сохранялись память и ясность ума. Последние слова его были: "Я пропадаю..."

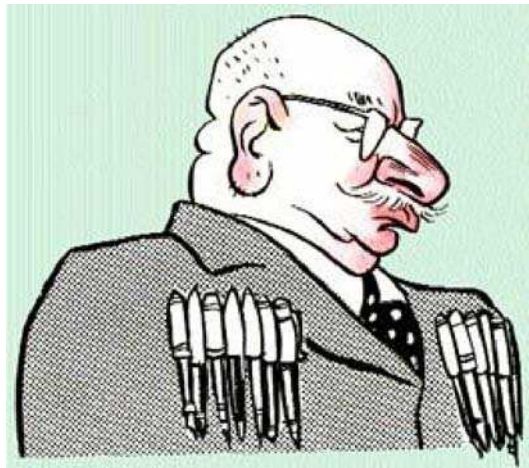
Исключительное отношение Е.М. Аспиза к окружающим, в частности к своим больным, доброта, внимание, сердечность снискали ему любовь всех, кто его знал.

Мне часто снится мой отец: то он ведет меня, маленькую, за руку по бульвару, то заразительно смеется над прочитанным, то помогает мне решать задачи по геометрии и тригонометрии, хотя эти предметы он никогда не изучал (я думаю, что автор популярного в Израиле школьного учебника по математике не только наш однофамилец, но и какой-то родственник — у всех Аспизов были незаурядные математические способности). Я вспоминаю рассказы отца о встрече нового, двадцатого, века, о надеждах на будущее. Может быть, мне доведется рассказывать своим потомкам о встрече не только нового века, но и нового тысячелетия и о надеждах, возлагаемых на него.

ОДИН ИЗ ДАВИДОВ

Αἰδοῦν Ἀδοῦν ἰά

Красивое библейское имя Давид носили, как я заметил, большей частью люди незаурядные, примечательные. По крайней мере, среди тех, кого я знал лично. С талантливейшим художником Давидом Дубинским, прекрасным редактором Давидом Ортенбергом, великолепным скрипачом Давидом Ойстрахом, блестящим пианистом Давидом Ашкенази я был хорошо знаком и даже, позволю себе сказать, дружил. И древний иудейский царь Давид, по всем дошедшим до нас сведениям, был личностью выдающейся. Достаточно вспомнить хотя бы его сенсационную победу над злым великаном Голиафом.

А сейчас речь пойдет еще об одном хорошо знакомом мне Давиде — журналисте Давиде Заславском.

...Петроград. Лето семнадцатого года. До предела накаленная, взбудораженная, зловеще непредсказуемая политическая обстановка. Основные возмутители спокойствия — это большевики, или, как их чаще именуют, ленинцы — по имени их главаря, некоего Ленина, недавно, как снег на голову, свалившегося из эмиграции проездом через воюющую с нами Германию в предоставленном ему немцами запломбированном вагоне.

Звонкие, доходчивые, будоражащие лозунги большевиков изо дня в день подстрекали широкие массы солдат и рабочих к свержению образованного Государственной Думой Временного правительства, возглавляемого Керенским, к превращению, как провозгласил тот же неугомонный Ленин, "буржуазной революции в социалистическую, к диктатуре пролетариата". Разумеется, столичная печать высмеивала нелепые претензии большевиков на власть, возмущалась их безответственной подрывной пропагандой. Особенно усердствовала в этом плане газета "День", на страницах которой из номера в номер фельетонист Д. Заславский неумоимо громил большевиков, разоблачая при этом Ленина как немецкого шпиона, платного агента германского генерального штаба.

Известно, однако, что история распорядилась по-своему. В октябре того же года большевики, руководимые Лениным и Троцким, осуществили вооруженное восстание, арестовали Временное правительство и захватили власть. "Немецкий шпион" Ленин стал Председателем Совета Народных Комиссаров — нового, так называемого

Рабоче-Крестьянского правительства России. Антибольшевистские органы печати, включая "День", прекратили свое существование.

А что же яростный разоблачитель большевиков Д. Заславский?

А ничего. После кратковременной паузы Д. Заславский начал сотрудничать в новых, советских газетах, причем так же бойко, популярно и убедительно он писал за советскую власть, как раньше в "Дне" за Временное правительство.

Проходит несколько лет, и Давид Осипович перебирается в Москву, где становится постоянным автором главной газеты страны, так сказать, "неофициального официоза" — основанной Лениным "Правды", центрального партийного органа большевиков. Автором постоянным и, добавлю, незаменимым. В самом деле, кто из журналистов мог бы так быстро, оперативно, предельно доходчиво, как Заславский, написать статью на любую, самую ответственную и острую тему.

Такие статьи обычно появлялись в газете без подписи автора, подобно "передовицам", и тем самым давалось понять, что выражают они собой не просто мнение редакции "Правды", но политическую установку, безапелляционную директиву ЦК партии.

Такой была, к примеру, вышедшая из-под безотказного пера Давида Осиповича недоброй памяти статья "Об одной антипатриотической группе театральных критиков", возвестившая свирепую кампанию против "безродных космополитов", или статья "Сумбур вместо музыки", учинившая беспощадный разгром творчеству Дмитрия Шостаковича.

Конечно, систематически публиковались в "Правде" и статьи Заславского с его подписью на текущие злободневные темы, всегда толковые, убедительные, написанные со знанием дела, в том числе и на международные темы, разоблачавшие антисоветские козни западных империалистов. Не зря родилась лестная для журналиста эпитафия:

À áî ðüáá ñ áðááî ì èþáíá àéáá

Ñáððéááò ìñò ðüé ì á: Áááéáá

Заславский находит время и для работы в журнале "Крокодил", даже ведет там нечто вроде семинара для молодых, подающих надежды сатириков. С этим в моей памяти связан небольшой забавный эпизод.

На редколлегии "Крокодила" шло обычное обсуждение очередного вышедшего в свет номера журнала. Когда отмечали наиболее удачные материалы, все очень хвалили фельетон "Чьими глазами?" Д. Заславского. В фельетоне хлестко высмеивалась Элеонора Рузвельт, вдова президента США, которая в своих впечатлениях о поездке в Советский Союз поведала, что за все три недели пребывания в России она ни разу не видела улыбки на лицах людей, не слышала их смеха. Видела вокруг только угрюмые, унылые физиономии. Давид Осипович, благодушно улыбаясь, снисходительно слушал расточаемые ему комплименты.

Попросил слова и я:

- Фельетон, действительно, неплохой. Остроумно построен - попадает не в бровь, а в глаз. Вполне достоин пера Давида Осиповича. Но это писал не он!

Все с недоумением устремили свои взгляды на меня и на Заславского.

- Как это, не он? - спросил редактор "Крокодила" поэт Сергей Швецов. - Что вы хотите этим сказать? Давид Осипович! Что это значит?

Заславский неторопливо потрогал свои пушистые седые усы.

- Мне кажется, Ефимов прав, - сказал он. - Я что-то не припомню, чтобы писал об Элеоноре Рузвельт.

- Ну и ну!.. - заволновался Швецов. - Что ж это будет? Ведь автор фельетона устроит скандал, предъявит претензии! Как это ему объяснить? В какую неприятность влипли!..

- Успокойтесь, Сергей. Автор этого фельетона скандалить не будет. Все обойдется по-хорошему, — сказал я.

- Почему вы так уверены? - недоверчиво спросил Швецов.

- Очень просто. Это написал мой сын Миша. Он, один из молодых авторов в группе Давида Осиповича, получил от него эту тему.

Швецов облегченно вздохнул и, уже улыбаясь, посмотрел на Заславского, утвердительно кивавшего головой.

Довольно часто выступал Заславский на страницах "Правды" во время Великой Отечественной войны. Его вполне обстоятельные и добротные статьи нельзя было сравнить с острыми, эмоциональными, своеобразными памфлетами Эренбурга в "Красной звезде", но, видимо, Сталин был Заславским доволен. Иначе как объяснить неожиданное появление тогда отдельного, персонального указа о награждении журналиста орденом Ленина за "военно-литературную работу".

Однако в начале 50-х годов пришли тревожные черные времена. Дряхлеющий, одержимый клинической подозрительностью и патологической манией видеть вокруг врагов и заговорщиков "отец народов" был неистощим в своих изуверских замыслах и затеях. Очередную волну террора подняло пресловутое замешанное на откровенном антисемитизме дело врачей — "убийц в белых халатах".

Мне рассказывали, что в эту пору на очередном партсобрании в редакции "Правды" тогдашний редактор "Крокодила" Беляев, личность с определенным черносотенным душком, заорал на Заславского:

- А вы чего пришли? На ваших руках кровь Жданова!!!

Трудно понять, какое отношение мог иметь Заславский, отнюдь не врач, а журналист, к инфаркту, оборвавшему жизнь секретаря ЦК Жданов, но логика в то время была не обязательна. И про Заславского стали поговаривать, что он идет "на посадку". Неожиданная кончина "Хозяина", им явно не запланированная, круто изменила обстановку в стране.

Давид Осипович благополучно вернулся к работе в “Правде”.

Мне хочется признать то, что для меня лично очень дорого, — глубокое уважение Заславского к литературной и общественной деятельности Михаила Кольцова, моего брата. В сборник "Михаил Кольцов, каким он был" Давид Осипович писал: "Во всей его фигуре, невысокой и подвижной, было изящество. Годы не старили его. И в легких движениях, и в жестах, и в выражении лица оставалось что-то мило мальчишеское, озорное. Он всегда готов был на смелые приключения, на неожиданные выдумки. Он был поэтом своего призвания — журналистики".

Вплоть до преклонного возраста Заславский сохранял работоспособность, общительный нрав и некое даже веселое озорство. Вспоминаю одну из наших последних довольно забавную в своем роде встречу.

Это было вскоре после завершения Шестидневной войны, которую крохотное государство точно за шесть дней выиграло против Египта, Сирии и Иордании. Победа Израиля вызвала сильнейшее раздражение в высоких сферах советского руководства, не скрывавшего своих симпатий к арабам. Между прочим, незадолго до этой войны президенту Египта Насеру Хрущев пожаловал изрядно удивившее публику звание Героя Советского Союза, которое как-то мало гармонировало с гонениями на коммунистов в Египте.

Советская печать единодушно обвиняла Израиль в агрессивных, захватнических действиях, попрании общепризнанных международных принципов. И тут кто-то "наверху" надумал, чтобы известные деятели культуры еврейского происхождения выступили с протестом против действий Израиля. Организацию этой эффектной акции, естественно, поручили Заславскому. В редакцию "Правды" были приглашены поэт Александр Безыменский, дирижер Большого театра Борис Хайкин, композиторы Матвей Блантер и Марк Фрадкин, певец Соломон Хромченко, шахматист Михаил Ботвинник, еще кто-то, не забыли и про меня. Заславский огласил заготовленный текст протеста и первый лихо расписался, затем расписались все мы. После этого Давид Осипович двинулся к выходу (никогда не забуду этой уморительной сцены) с зычным возгласом "Шма, Исроэл!" (Слушай, Израиль!) — древним традиционным призывом синагогального молебствия.

Он и тут остался верен себе, неунывающий скептик, подчиняющийся обстоятельствам веселый циник Д. Заславский.

Издательскую деятельность М. Козмана можно условно разделить на несколько периодов. В 1899—1904 годах он выпустил в свет свыше сорока названий книг и брошюр общим тиражом около 200 тысяч экземпляров. С сентября 1902 года до конца существования фирмы продукция выходила под грифом "Книгоиздательство М.С. Козмана в Одессе". К началу 1905 года издательство получило определенную известность среди книготорговцев и издателей России, книги Козмана продавались в разных городах. В феврале этого же года был выпущен "Каталог книгоиздательства М.С. Козмана в Одессе" на 32 страницах. Ассортимент продукции отличался пестротой содержания. Избранные переводы зарубежных авторов с увлекательным сюжетом привлекали своими названиями читающую публику определенного толка, жаждущую пряных и необычных впечатлений. Но были произведения и Л. Толстого, сборники, составленные Козманом, с мыслями Горького, Вересаева, Чехова и др.

В 1905—1907 годах, в период революционных потрясений, отмены цензуры, уловив читательский интерес к общественно-политической литературе и почувствовав выгоду от продажи дешевой демократической брошюры, издатель срочно перепрофилировал свою продукцию. На полтора года фирма переключилась на выпуск произведений А. Бебеля, К. Цеткин, К. Каутского, Ф. Лассаля, В. Ривса, К. Маркса, Ф. Энгельса. По архивным данным, в эти годы "Книгоиздательство М. С. Козмана в Одессе" выпустило литературу революционного направления 25 названий общим тиражом 200 тысяч экземпляров. Многие из выпущенного было впоследствии запрещено Судебной палатой, изъято из обращения.

После разгрома революции, "чувствуя себя виновным в издании трудов Маркса, Энгельса и др." Козман счел нужным на время покинуть Одессу и скрываться по разным городам. В 1908 году он возвращается в родной город и возобновляет издание книг, но их направление резко меняется и практически сохраняется до февральской революции 1917 года. Это учебные пособия для учащихся, в каталогах издательства 1911 и 1915 годов представлены многочисленные издания по математике, физике и космогонии, пособия для учащихся по латыни, французскому и немецкому языкам, "Повторительные курсы по программам средних учебных заведений".

Как пишет профессор С.Я. Боровой (1903-1989), знаток истории книжного дела в Одессе, с 1908 года «...издательство Козмана приобрело другое направление — сугубо просветительское, в очень специфическом плане, оно стало ориентироваться на экстерна, т.е. на тех, кто не получил по разным причинам среднего образования и поэтому не мог поступить в высшую школу. "Одесский экстерн" — особый социально-психологический тип. Это были еврейские юноши, которые из-за процентной нормы не могли поступить в гимназии. Иногда это было связано с тем, что родители из-за религиозно-бытовых причин ограничивали их образование религиозной школой: хедером или ешиботом».

Семья Козмана. 1917-1918г. Сидят слева направо: Меер Козман, дочь Сарра, жена Эсфирь. Стоит младшая сестра издателя Клара.

Здесь уместно сообщить некоторые сведения из личной жизни издателя. В 1911 году Козман женился. Его супруга Эсфирь Абовна (1884—1960) была образованной, интеллигентной женщиной, оказывавшей большое влияние на мужа. После женитьбы Козман купил дом в собственное владение в престижном районе на Французском бульваре (Госпитальный пер., д. 10), где разместились также контора издательства, книжный склад, типография, открытая в 1910 году, и стереотипное заведение книгоиздательства. Это был тихий благоустроенный район недалеко от берега моря. Дела в фирме, благодаря умению, деловой хватке и трудолюбию хозяина, шли хорошо.

В 1917-1920 годах в Одессе девять раз менялась власть. В этот период издательство и типография перебивались случайными заказами, надеясь на лучшие времена. Однако они не пришли: в 1920 году последовала национализация всех заведений печатного дела, и М. Козман лишился своей фирмы. Потеряв все, что было им создано, сильно травмированный, он замкнулся в себе. Но нужно было жить, содержать семью. В 1921—1922 годах он служил в одном из железнодорожных полков, а в 1923 году поступил на работу в "Одесполиграф", где вначале заведовал, руководил издательством, затем возглавил издательский отдел. В 1928 году, отказавшись посещать курсы украинского языка (шла "украинизация сотрудников советских учреждений"), М. Козман вынужден был оставить свою должность.

До начала войны он работал техническим редактором в ряде научно-исследовательских институтов Одессы (Тубинститут, Институт курортологии, Институт гигиены и др.). Его племянница и внук вспоминают, что дома он много работал, большой стол в квартире был завален рукописями, корректурами, книгами и журналами.

Во время войны супруги Козманы вместе с семьей дочери жили в Стерлитамаке, затем в Иванове. Последние 19 лет жизни, с 1944 по 1962 год, он провел в родной Одессе, на ул. Жуковского, д. 30. Несмотря на преклонный возраст, потерявший зрение в "левом глазу", он работал с перерывами техническим редактором научных сборников, издаваемых Мединститутом, Госуниверситетом, Институтом эпидемиологии и микробиологии, Политехническим, Гидротехническим и Сельскохозяйственным институтами, не оставляя и литературной деятельности, связанной с пушкинской темой.

До глубокой старости М. Козман не порывал с издательским делом. Но годы брали свое, а в 1960 году он перенес тяжелую операцию, после которой болел и оправиться уже не мог. Небольшое мозаичное надгробие, установленное на могиле

издателя-просветителя на еврейском кладбище в Одессе, сохранило дату его кончины: "7 января 1963 года".

Но вернемся к началу века и остановимся на книге А. Когута "Знаменитые евреи, мужчины и женщины, в истории культуры человечества". В 1900 году на круглых тумбах для афиш Одессы появились небольшие объявления о предстоящем выпуске книги д-ра Адольфа Когута и подписке на нее. В начале 1901 года подобные афиши были расклеены и в других городах.

Адольф Когут родился в Венгрии. Окончил еврейскую теологическую семинарию в Бреславле и философский факультет университета в Вене. Был редактором многих провинциальных газет, автором исторических очерков о художниках и композиторах, им написано около 200 книг. Книга "Знаменитые евреи", получившая всемирное признание, имеет подзаголовок: "Биографии и характеристики великих людей прошлого и настоящего на всех поприщах деятельности", а открывается она оригинальным автографом канцлера Тюбингского университета Г. Рюмелина: "Все лучшее и важнейшее, чем может гордиться наша просвещенная современность, есть не более, как наследие трех народов древнего мира: евреев, греков и римлян". Перевод книги на русский язык выполнен А. Френом.

Меер Козман незадолго до смерти.

Можно лишь удивляться оперативности и энергии молодого издателя М. Козмана, который буквально через год после немецкого издания книги А. Когута сумел выпустить ее на русском языке. Печаталась книга отдельными выпусками по 24—28 страниц в одесской типографии Боруха Сапожникова. Всего за три с половиной года вышел 41 выпуск. Позже они были объединены в два тома в роскошных переплетах. Согласно одной из оценок "По внешности русское издание не уступает немецкому" ("Будущность", 1901, №16).

Судьба книги удивительна. В сталинское время, когда были закрыты еврейские школы, театры, музеи, синагоги и библиотеки, когда проводилась насильственная ассимиляция, она была изъята из фондов библиотек. Найденный при обыске двухтомник

"Знаменитых евреев" послужил основанием для ареста владельца опальной книги и его ссылки в лагерь на пять лет.

В дальнейшем книга стала раритетом, так как после войны она практически не сохранилась.

Забытый ныне одесский книготорговец, издатель и типограф Меер Шмульевич Козман за 20 лет выпустил свыше миллиона экземпляров добротных, полезных, дешевых книг и брошюр. Он оставил заметный след в провинциальном книгоиздании, его можно смело назвать одним из крупнейших издателей дореволюционной Одессы.

Аіеаі еі ер Оуаіеу, Аіеаі еі Оуаіеуе — ііа јоел е еі аіаі е аіеае а еіоідеп і едіаіе сеаеерсеаеае ааде ер іаііеуіаі аіаіае іа ііаіа Еіі аіе. Ер аіііі, -оі аеае іі а XII аіаі іі а еаеаа аіаі, іеаіа іа сеаііаіаіі. Іоаііііаеаеаііі, іі оі аа а 1173 аіаі, іііа ііаіаі аіаіаіаіеу ер сіаі аіеаіа іоаааіааеу іі оаіаі -аіоуі ііаіа — Ааііа, Асеа, Аодеа А іоаааіаае іі іоіаіа, іі даііуі ааііуі, іо 10 аі 13 еао е аіа јоі ааі у аа іоааіе аіаіеа, аіа ііааіаі ііеіаае іоаіаі, еіоіоіа аеаае, а оаеаа оа і еіоіоіо аі о даііааіаае. Аіа оіеуаі ііа іі аае іа ааа, іа іоааеуу аа іо оіа, -оі іааепаае ее-іі, аааа аіе јоі еааеіііуу јаіі аіі оеаііуі. Аііі-аі, аіііааіаае іііаа ііааіеу, іоаіааеуаеаіу ііаааіі іаеаіуі е, ііеаеае аіааааіаеаііаі іа іао-ііа іауіі аі еа

Еврейский путешественник. Гравюра.

О себе и своей семье Вениамин ничего не сообщает; сведений о его "доскитальческих" годах, как и его портретов, не сохранилось. Дневниковые записи путешественника позволяют сделать вывод, что это был общительный, доброжелательный человек, хорошо знавший Тору и другие священные книги, всегда готовый оказать помощь ближнему. Он ни о ком не написал плохого слова, его хорошо принимали в еврейских общинах других стран, ему доверяли попутчики. Но он был достаточно решителен и настойчив. Его не остановили предстоящие и неизбежные в таком путешествии трудности, как не остановило и то, что в Святой Земле, в частности в Иерусалиме, куда он стремился, властвовали крестоносцы.

Историки называют XII век золотым для евреев Испании. Это был период расцвета еврейской культуры в стране, к лучшим и всемирно известным представителям которой относились такие поэты и ученые, как Иегуда Галеви, Авраам Ибн Эзра, Иегуда Альхаризи, Маймонид (Рамбам). Поэт и философ Иегуда Галеви почти одновременно с Вениамином отправился посетить Святую Землю, однако не дошел, погиб в пути.

Евреи совершали путешествия, получали образование, становились прекрасными врачами, астрологами, математиками. Они, как правило, знали иностранные языки, и арабские правители использовали их в качестве переводчиков, дипломатов, придворных врачей и советников.

Так, Маймонид, автор философских и религиозных трудов, духовный руководитель евреев Востока, знаменитый медик, был назначен египетским султаном Саладином врачом при своем дворе.

Еврейская община Туделы состояла из людей различных профессий: земледельцев, виноградарей, стеклодувов, портных, сапожников, мелких торговцев, богатых купцов. Знакомство с ними помогало Вениамину лучше ориентироваться в своем путешествии.

Членов общины объединяли любовь к своему народу, преданность Торе и постоянная опасность существования под дамокловым мечом. С юга евреям угрожали фанатичные мусульмане из Северной Африки, на севере, во Франции, готовились очередные кровавые крестовые походы. Несмотря на упомянутое относительное благополучие, евреи Испании и других европейских стран мечтали лишь о том, как выжить и воссоединиться в своем историческом отечестве, Святой Земле — Палестине.

Вениамин предпринял свое путешествие не только из желания увидеть другие страны и побывать в Палестине, но и с целью собрать сведения о еврейских общинах этих стран, установить связь между ними, способствовать их объединению.

Еврей из Туделы был гостем общины в каждом городе, в каждой местности, где он бывал, и везде записывал, какова численность общины, каков род занятий ее членов, кто стоит во главе общины. Обо всем и всех он пишет в свойственном ему доброжелательном духе: "Все члены общин любят своих братьев и оказывают свои услуги как ближнему, так и дальнему. Если явится к ним пришелец, они с радостью принимают его, делают ему угощение". С особым уважением он упоминает общину Парижа: "Там живут такие ученые, что подобных им не найти по всей земле; они очень гостеприимны, всем евреям они друзья и братья".

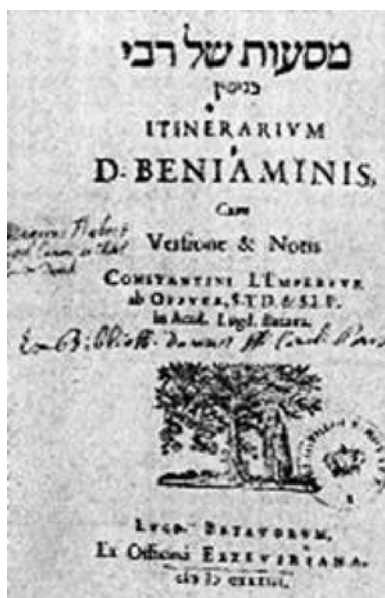
При некотором различии в толковании Торы и соблюдении обрядов, отмечает Вениамин, евреи были едины в своей вере и неугасимом желании воссоединиться на Земле обетованной. «Г-сподь, по милосердию Своему, — пишет он, — да сжалится над нами всеми, и да сбудется на нас написанное в Законе: "...и оттуда соберет тебя Б-г, Всесильный твой, и оттуда возьмет тебя, и приведет тебя Б-г, Всесильный твой, в страну, которой овладели отцы твои..."» (Дворим, 30: 4-5).

Свои записи путешественник вел на иврите, языке еврейских общин. Книгопечатания в Европе в те времена не существовало, и единственным способом размножения рукописей была их переписка. По возвращении из путешествия Вениамин охотно предоставлял для этого свой дневник. Интерес к нему быстро распространился по всей Испании и перешагнул за ее границы. Появились переводы, а с ними и желание их приобрести.

Дневник путешественника открыл читателям многие неизвестные им дотоле страны с их экзотикой и обычаями, позволил шире взглянуть на мир, почувствовать солидарность с людьми, живущими далеко от них; он свидетельствовал также о духовном единстве еврейских общин, даже никогда не слышавших друг о друге.

После появления книгопечатания рукописи Вениамина очень скоро превратились в книги, первая из них появилась в 1543 году в Константинополе, затем она была переведена на латинский, английский, французский, голландский, немецкий, испанский и русский языки. Западноевропейские издатели выпускали книгу под названием "Путешествие Вениамина", снабжали ее предисловиями переводчиков и примечаниями ученых, историков и географов.

Б. Блюменкранц в очерке "Путевые записки Вениамина из Туделы" ("В защиту мира", 1960, №2) приводит предисловие неизвестного средневекового автора: "Это путевые записки рабби Вениамина, сына Ионы из Наварры, — да пребудет душа его в раю.

Титульный лист книги "Путешествие Вениамина".

Лейден, 1663 год.

Рабби Вениамин отправился путешествовать из своего родного города Туделы и посетил много дальних стран, как об этом повествуется в его книге. Везде, где он побывал, Вениамин отмечал то, что видел своими глазами, и то, что сообщали достойные доверия люди. В своей книге он упоминает также о знаменитых ученых и людях каждой страны, которую он посетил. Вернувшись в Кастилию в 4933 году от сотворения мира (1173 год н.э.), он привез с собой и этот путевой дневник.

Рабби Вениамин — человек умный и просвещенный, знаток Торы и Галахи. Всякий раз, когда мы проверяли достоверность его сообщений, они оказывались соответствующими действительности и точными. Ибо он сам — человек правдивый".

Русский перевод, выполненный П. Марголиным, помещен в его книге "Три еврейских путешественника XI и XII ст. Эльдад Данит, р. Вениамин Тудельский и р. Петахий Регенбургский" (еврейский текст с русским переводом, С.-П., 1881). На первой странице книги — посвящение: "Его сиятельству князю Павлу Петровичу Вяземскому с глубоким уважением посвящает переводчик".

П. Марголин, цензор еврейских книг в С.-Петербурге, был связан с сыном поэта П.А. Вяземского, друга А.С. Пушкина.

Многочисленные переписчики, переводчики и издатели не могли не внести в текст "Путешествия" свою "лепту". Вероятно, поэтому в разных изданиях приводятся разные наименования ряда городов и морей, разные даты пребывания в них путешественника и даже участки маршрута путешествия. Следует также иметь в виду, что с годами многие географические названия, как и границы стран, претерпели изменения.

Некоторые города за прошедшие со времени путешествия Вениамина 800 с лишним лет вообще исчезли с карты мира, появились новые.

В книге исследователя П. Бержерона "Путешествия по Азии" (Гаага, 1735) представлена карта с нанесенными на нее точками, обозначающими города, которые посетил Вениамин, но что это за города, можно понять далеко не во всех случаях.

П. Марголин приводит названия городов, морей и других объектов, принятые в его время, а также древние, но, как указывает автор, встречаются и такие, которых уже нет ни на одной карте мира.

В "Атласе истории географических открытий и исследований" (М., 1959) на карте "Путешествия европейцев на восток. XII—XV вв." первым значится путешествие Вениамина Тудельского, но маршрут его изображен весьма неточно и без конкретизации городов.

Маршрут Вениамина, составленный по тексту книги Марголина, нанесен автором настоящей статьи на современную карту с указанием как существующих, так и существовавших во времена Вениамина географических названий.

Свое путешествие Вениамин совершал пешком или морем, если удавалось найти нужный корабль и капитан соглашался взять одного пассажира. Часто приходилось искать попутчиков для морского плавания. Расстояния между городами, островами он отсчитывал в днях путешествия пешком (не сообщая, какой была скорость передвижения) или днях плавания (иногда в парасангах, равных примерно 6 км).

Испанские евреи в то время уже в какой-то степени владели картографией. Известно, что через 300 лет именно они снабдили картами Колумба, но утверждать, что у Вениамина были карты, нельзя.

Из Туделы путешественник отправился вниз по реке Эбро через города Сарагоса и Тортоса до Таррагоны, прошел по приморским городам Испании и Франции до Марселя, оттуда морем до Генуи и по западному побережью Италии через Пизу, Рим, Неаполь до Салерно.

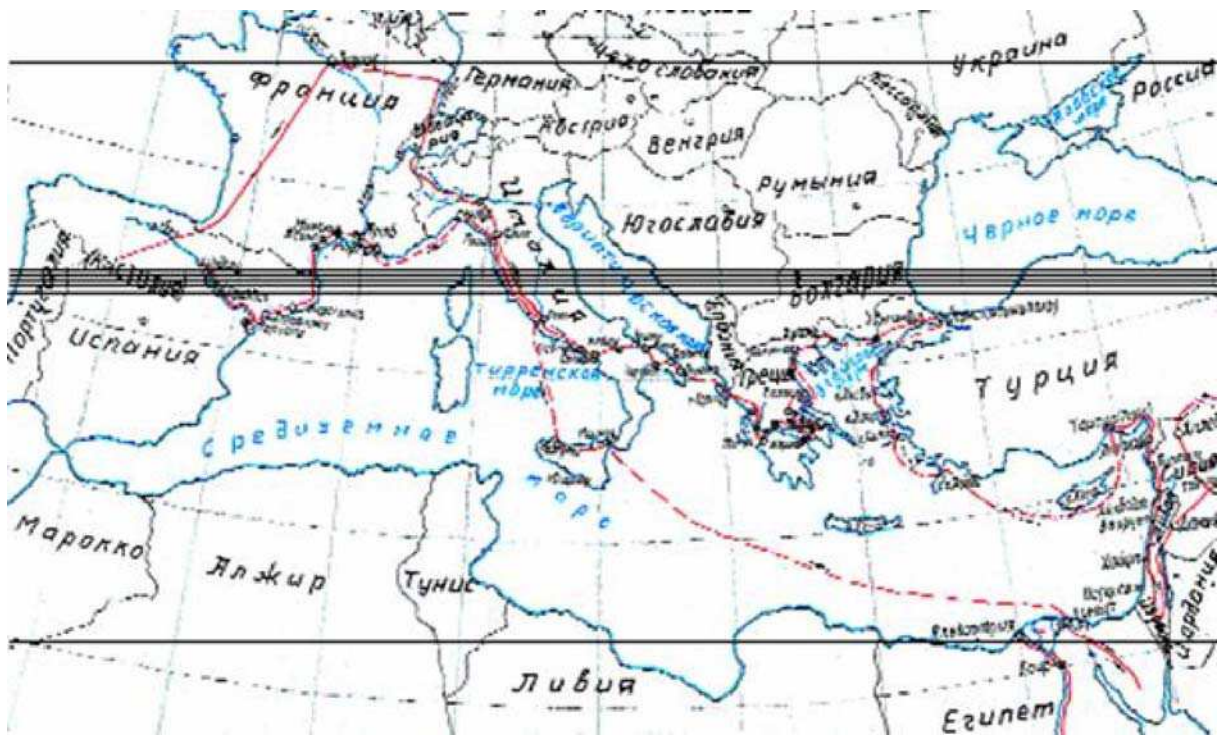
После неудачных попыток сесть на корабль, идущий в Палестину, Вениамин взял путь на Адриатическое побережье, однако и там, в портах Трани и Бари, сесть на

корабль он не сумел. Путешественник дважды пересек основание итальянского "каблука" (Бари—Таранто— Бриндизи) и только в самой восточной его точке, городе Отранто, попал на корабль, направлявшийся на остров Керкира (Корфу). Высадившись на севере континентальной Греции, он прошел на юг, по побережью Коринфского залива до Коринфа, по Центральной и Восточной Греции — до залива Воло, оттуда морем до Салоник, затем на восток — до Константинополя.

Дальнейший его путь пролегал по морю через Дарданеллы с заходом на крупные острова в Эгейском море и остров Крит. Плавание закончилось высадкой в Тарсусе (Тарсе), откуда начался путь Вениамина по странам Ближнего Востока. Он посещает древнюю столицу Сирии Антиохию (ныне Антакья), Бейрут и, наконец, приходит в Эрец-Исраэль. Состоялось знакомство с Иерусалимом, другими святыми местами, и снова в путь — через Дамаск и Халеб к Мосулу на реке Тигр и по ней — к Багдаду. После осмотра города и развалин древнего Вавилона вблизи Хилла Вениамин отправляется по нижнему Евфрату через Басру к Персидскому заливу.

Морской путь по Персидскому заливу и Аравийскому морю вокруг Аравийского полуострова закончился в юго-восточной части полуострова в порту Забид. Далее ему предстоит пересечь Красное (в те времена Чермное) море и высадиться на берегу Африки, нынешней Эфиопии. Отсюда, углубившись в континент до реки Нил, он спускается вниз по реке до ее впадения в Средиземное море. Перед ним простираются богатые плодородные земли по Нилу, большие города Египта — Каир, Александрия, Думьят (Дамьетта). Он побывал также на Синайском полуострове. Возвращался Вениамин морским путем из Думьята на остров Сицилию и в Рим.

Вероятно, понимая, что совершить еще одно путешествие он уже не сможет, Вениамин стремился увидеть как можно больше. Поэтому, прибыв из Рима на север Италии, он не отправляется сразу в Испанию, а идет дальше на север через Пиренеи и проходы в Альпах в Германию, а оттуда на запад, во Францию. В его дневнике появляется запись о том, что еврейские общины в Германии (Альмании) живут вдоль великой реки Рейн и "вся эта земля называется у евреев Ашкеназ". Из Парижа его путь лежит уже на родину, в Испанию.

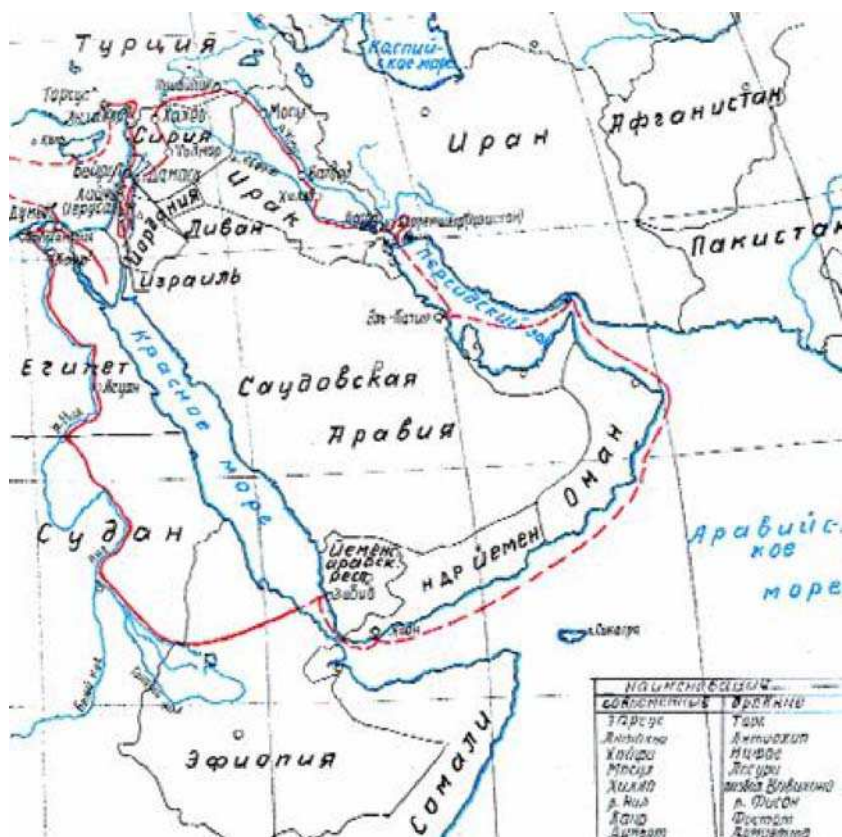
Маршрут путешествия Вениамина по странам Средиземноморья.

В дневнике Вениамина приводятся и услышанные им краткие сведения об Индии, Тибете, Хиве, Самарканде, Китае, России.

Мнение некоторых авторов о том, что он посещал эти места, представляется ошибочным — сведения о них весьма отрывочны, а кроме того, путешественник не приводит информации о еврейских общинах этих стран, что он обычно делал. Большинство авторов, в том числе Б.Блюменкранц и П. Марголин, а также представленные ниже источники более обоснованно утверждают, что Вениамин после Басры не пошел на восток, а направился к Персидскому заливу, чтобы возвратиться в Испанию (см. карты).

В отношении России он говорит лишь то, что за Германией лежит страна Богемия, называемая иначе Прагой, а за ней Русь — обширное царство от ворот Праги до ворот Киева, который является великим пограничным городом царства. "Страна гористая и лесистая, где водятся звери (белки, горностаи, соболи). Человек там зимой не выходит из дома из-за ужасной стужи", — сообщает путешественник.

Описывая города и страны, в которых он побывал, Вениамин, если говорить современным языком, затрагивает вопросы их истории, архитектуры, археологии, географии, общественной жизни. Его дневниковые записи часто эмоциональны, иногда даже восторженны, касаются ли они экзотической архитектуры города, правителей стран или глав еврейских общин.

Маршрут путешествия по Азии и Африке.

Он пишет о том, что еврейская община Рима включает 200 семей, все они "пользуются уважением и никому не платят налоги"; далее следует рассказ о городе, разделенном рекой Тибр на две части, в одной из которых находится грандиозный храм, бывший дворец Юлия Цезаря, собор святого Петра, как его здесь называют. "В городе много замечательных зданий, подобных им не найти ни в каком другом городе. В центре его — восемь дворцов римских императоров. За чертой города — еще один дворец, предположительно, императора Тита. В самом городе находится дворец Веспасиана, громадное и прочное здание, а также Колизей, который состоит из 365 частей по числу дней в солнечном году, окружность его составляет примерно 3 мили".

В Греции, в Фивах, большая община евреев занималась шелковой и пурпурной промышленностью, а "на горе Парнасе живут одни только евреи, около 200 человек, сеют и жнут на своей земле". Путешественник рассказывает об особой секте на острове Кипр, которая празднует Субботу не с пятницы вечером, а с субботы утром.

"В Константинополе евреи живут вне города и приезжают в него морем для торговли. Одни из них шелкопромышленники, другие — купцы, среди них много богатых. Некоторое облегчение они имеют благодаря р. Соломону а-Мицри, состоящему лейб-медиком у императора". Несмотря на издевательства со стороны проживающих там греков, "евреи милосердны, соблюдают Б-жьи законы и терпеливо переносят гнет. Квартал, где сосредоточено еврейское население называется Пера". Через семь столетий из записок другого путешественника, А. Вамбери, мы узнаем, что Пера стал одним из престижных районов Стамбула (Константинополя). Вениамин восторгается великолепием храмов города: "Внутреннее убранство их отличается таким богатством, какого нет ни в одной церкви в мире. В этих церквях золотые и серебряные лампы — и все это в неисчислимом количестве".

Святая Земля, куда отправился Вениамин, пребывала тогда под властью крестоносцев. Крестовые походы через страны Европы, особенно первый и второй, сопровождались убийствами тысяч евреев, грабежами их имущества, разгромом еврейских общин. Вступив в Палестину, крестоносцы завоевали часть страны, включая Иерусалим (1099 год), и образовали свое Иерусалимское королевство. Истребление евреев, а также исмаильтян (мусульман) они продолжили и здесь.

Путешественник прибыл в Палестину между вторым и третьим крестовыми походами, когда королевство крестоносцев уже приходило в упадок, их власть ослабла, а египетский султан Саладин готовился к полному освобождению от них Иерусалима. Вениамин оказался в городе в начале 70-х годов XII века, и не приходится удивляться, что он застал там всего 200 евреев. О крестоносцах он ничего не сообщает.

Иерусалим он описывает как небольшой город, в котором можно встретить представителей разных стран, услышать речи на всех языках. Евреи жили на окраине города под "башней Давида" и занимались крашением. Вениамин пишет о четырех воротах города — Авраама, Давида, Сиона, Иософата, «последние прямо напротив бывшего когда-то древнего Храма Иерусалимского. На месте, где был древний, самый святой храм, стоит ныне Темпло-Доминко (в наши дни "мечеть Омара"), над которым Омар, сын Алькатаба, построил огромный и чрезвычайно красивый купол. Иноверцы не вносят туда ни крестов, ни образов, а являются лишь для совершения своей молитвы. Против этого здания на западной стороне находится остаток стены, святая святых для израильтян, на площади перед ней они собираются для молитвы». Речь идет о Стене плача, которая еще во времена Вениамина была бесценной реликвией.

Путешественник посетил святые для евреев гробницы. В Иерусалиме это гробницы великих царей Давида и Соломона. В Вифлееме (Бет-Лехем) — гробница прапавтери Рахели, сложенная из 11 камней по числу детей "праотца нашего Яакова". В Наблусе (Шхеме) находится могила Иосифа, останки которого согласно его завещанию "вынесли сыны Израилевы из Египта, схоронили в Шхеме".

Город Дамаск "весьма большой и красивый, окружен со всех сторон каменною стеною. Окрестности его изобилуют садами и рощами на пространстве до 15 миль. С этой страной ни одна страна в мире не может сравниться в плодородии.

С горы Ермона, при подножии которой стоит город, стекают две реки: Авана и Фарфар; из них Авана протекает в середине города; воды ее посредством деревянных труб проведены в дома знатных жителей, а также на улицы и площади". Город — торговый, привлекает купцов из разных стран. "Говорят, — пишет Вениамин, — что в царском дворце магическим искусством сделана стеклянная стена, в которой столько отверстий, сколько дней в солнечном году. Солнце каждый день является в одном из отверстий и проходит по 12 градусам соответственно числу часов дня, так что каждый может поэтому узнать, который час. В дворце находятся покрытые золотом и серебром ванны таких размеров, что в каждой из них три человека разом могут купаться".

В Багдаде Вениамина поразило богатство дворца халифа, "великого государя" Аббасида-Ахмеда. Дворец располагался в центре города, был окружен парком, "состоявшим из всех существующих в мире сортов деревьев, как фруктовых, так и неплодоносных; там же всевозможные звери, а в середине парка пруд, наполненный водами Тигра. Когда вздумает халиф доставить себе удовольствие прогуляться и потешиться, ему устраивают ловлю рыб в пруду и охоту на птиц и животных в парке".

По данным Вениамина, в Багдаде было 1000 евреев и 28 синагог. Евреи жили в мире, "пользовались полным спокойствием и даже почетом. Там же в городе находится гробница пророка Иехезкеля — место паломничества иудеев".

Александрийский маяк.

Из книги "Семь чудес древнего мира".

"Этот великий король, — пишет Вениамин о халифе, — очень любит израильтян, усердно занимается чтением законов Моисея, прекрасно знает еврейский язык, на котором он читает и пишет в совершенстве". Восхваляя халифа, Вениамин, как бы между прочим сообщает, что братья правителя также живут в полном довольстве, но... в цепях, которые обязаны носить во избежание повторного заговора, попытка которого уже состоялась.

Вениамин ничего не пишет о каком-либо враждебном отношении к нему исмаильтян, населяющих страны Ближнего Востока. Напротив, он отмечает мусульманско-иудейское доброе согласие, существовавшее в то время.

Путешественник приводит рассказ-легенду о лже-Мессии Давиде Алрое, уроженце города Амадии Багдадского халифата, который объявил себя посланцем Б-га,

чтобы повести евреев в Иерусалим. Заговор не удался, Алрой был убит, но память о нем надолго сохранилась среди евреев.

"На границе Ирака с Ираном (Персией), — пишет Вениамин, — есть могила священника Эзры-Софера, скончавшегося здесь, на пути из Иерусалима к персидскому царю Артаксерксу. У его могилы евреи построили большую синагогу, а исмаильтяне на своей стороне - мечеть, в знак особого почитания священника и любви к евреям, и обе стороны приходят сюда молиться". Путешественник посетил находящийся в Персидском Хузистане (примерно в 7 км от упомянутой границы) древний город Сузы (Шушан), где находился дворец царя Артаксеркса и царицы Эстер (от дворца остались только руины).

В Египте Вениамин побывал в Каире, Александрии, на Синайском полуострове у горы Синай, где Моисей получил от Б-га драгоценные скрижали.

В Каире путешественник видел две синагоги. В одной палестинские евреи читали главу из Торы три недели, в другой вавилонские — одну неделю. Это значит, что чтение в первой синагоге продолжалось три года, во второй — год. Те и другие евреи дружили между собой, собирались на общие молитвы и в праздники.

Большое впечатление на Вениамина произвел знаменитый Александрийский маяк, к тому времени сильно разрушенный. Маяк служил одновременно крепостью и наблюдательным пунктом, позволявшим обнаруживать корабли, плывущие с враждебными намерениями из Греции или с Запада в Александрию "на расстоянии многодневного пути". Путешественник ошибочно полагал, что это достигалось с помощью зеркала, установленного на верху башни. На самом же деле это была система металлических зеркал со своим управлением.

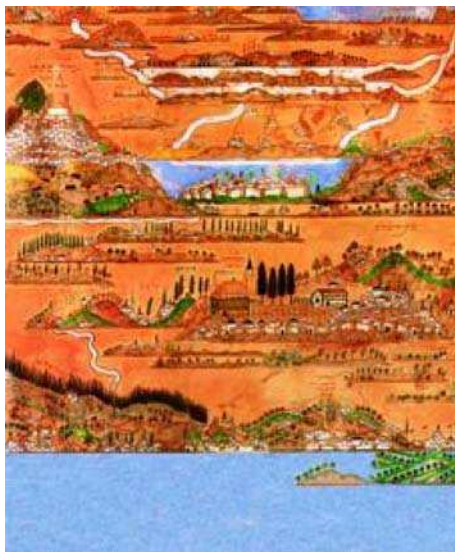
Вениамин излагает версию о гибели зеркала: "Хитрый грек Теодорос часто посещал служителей маяка, привозил им подарки, устраивал пиры, в общем, стал своим человеком. В один из приездов он сильно напоил служителей, поднялся на верх башни и разбил зеркало. Это обернулось для Египта потерей островов Крит и Кипр".

Александрийский маяк до сих пор относится к одному из семи чудес света.

В дневнике Вениамина содержатся не только общеинтересные сведения, но и предназначенные для следующих путешественников специальная информация и советы.

Путешественник приводит много адресов, где "можно остановиться", где "есть богатые люди, охотно помогающие всем, кто к ним приходит". Юношам, желающим учиться и готовым для этого отправиться в другую страну, он сообщает, что в Нарбонне "можно получить прекрасное образование", что в Монпелье "имеются школы, где изучают Талмуд", что в Люнеле "студентов, приезжающих из далеких мест, обучают, кормят, одевают, обеспечивают жильем за счет местной общины на весь срок учебы". По его данным, в Константинополе "есть люди, знающие всю греческую литературу". Купцам он

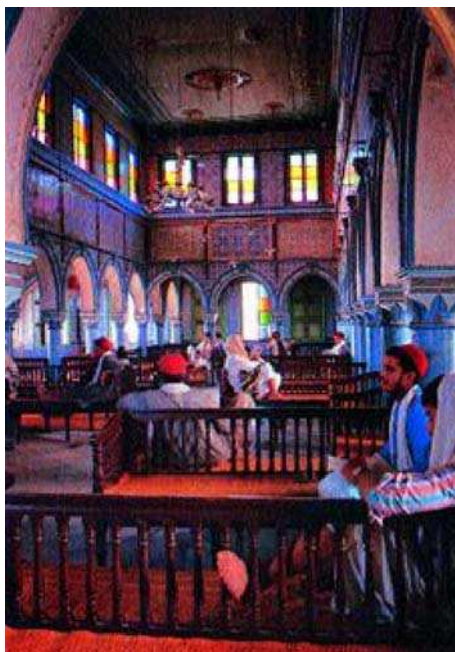
указывает наиболее удобно расположенные для целей торговли порты, города, в которых сходятся торговые пути, где и какие товары можно приобрести. Так, в районе Амальфи — изобилие фруктов, в Мессине — много хлеба и ячменя, в Трапани добывают кораллы.

Вениамин предостерегает от опасностей и советует посетить целебные места: "Капуя — красивый город, но вода в нем плохая, в прилегающей местности свирепствует лихорадка. А в Пуццуоли близ Неаполя есть источники горячей воды числом около двадцати, которые бьют из земли и находятся недалеко от моря; все, кто страдает от какой-нибудь болезни, приходят купаться в них и вылечиваются".

Вениамина называют еврейским Марко Поло, предполагают, что его подвиг через сто лет побудил венецианца отправиться в свое знаменитое путешествие. Представляется, однако, более справедливым считать Марко Поло итальянским Вениамином, поскольку еврей из Туделы опубликовал свой дневник на сто лет раньше. Марко Поло его не читал и вряд ли что-либо о нем знал. Это видно из того, что ему после опубликования написанной с его слов "Книги" (так назывались воспоминания итальянского путешественника) не хотели верить. А ведь он рассказывал о российских холодах примерно то же, что и Вениамин. Будь он знаком с дневником своего предшественника, ему достаточно было бы на него сослаться, и у оппонентов, наверное, не осталось бы сомнений.

Хотя прошло более восьми веков, "Путешествие Вениамина" не утратило своей ценности и поныне. Из дневника тудельца черпают сведения до сих пор, о нем пишут статьи и книги по истории евреев такие знаменитые авторы, как Г. Гретц и С. Дубнов, составители Большого энциклопедического словаря и Еврейской энциклопедии Брокгауза и Ефрона. К. Риттер в своей известной "Географии" пользуется сведениями Вениамина, придает им большое значение.

Сведения эти во многом уникальны. В частности, упомянутые источники включают рассказ-легенду Вениамина о Давиде Алрое, а Б. Дизраэли (графу Биконсфилду) этот персонаж послужил прообразом главного героя его одноименного романа.

Значительный интерес в дневнике путешественника из Туделы представляет отражение того факта, что мусульмане и евреи могут жить в мире и согласии друг с другом, извлекая из этого большую пользу в первую очередь для собственного просвещения. Книга Вениамина — редкий и ценный источник информации о жизни евреев и других народов во времена средневековья, а его путешествие по праву считают подвигом.

ВЛЮБЛЕННЫЙ В ЖИЗНЬ...

(Заметки о Л.М. Квитко)

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

לֹא אֵין אֵין אֵין, דָּאָאֵין אֵין אֵין...

אֵין אֵין אֵין

Мудрец из Голоскова

"Я родился в селе Голоскове Подольской губернии... Отец был переплетчиком, учителем. Семья бедствовала, и все дети в раннем возрасте вынуждены были уйти на заработки. Один брат стал красильщиком, другой грузчиком, две сестры портнихами, третья учительницей". Так писал в своей автобиографии в октябре 1943 года еврейский поэт Лев Моисеевич Квитко.

Голод, нищета, туберкулез — этот безжалостный бич обитателей черты оседлости выпали на долю семьи Квитко. "Отец и мать, сестры и братья рано умерли от туберкулеза... С десяти лет стал на себя зарабатывать... был красильщиком, маляром, носильщиком, закройщиком, заготовщиком... В школе никогда не учился... Самоучкой научился читать и писать". Но трудное детство не только не обозлило его, но и сделало мудрее, добрее. "Есть люди, которые излучают свет", — писал о Квитко русский писатель Л. Пантелеев. Все, кто знал Льва Моисеевича, говорили, что от него исходят доброжелательность и жизнелюбие. Всем, кто встречался с ним, казалось, что он будет жить вечно. "Он непременно доживет до ста лет, — утверждал К. Чуковский. — Было даже странно представить себе, что он может когда-нибудь заболеть".

15 мая 1952 года на суде, измученный допросами и пытками, он скажет о себе: "Жил я до революции жизнью битой бродячей собаки, грош цена была этой жизни. Начиная с Великого Октября, я прожил тридцать лет чудесной окрыленной трудовой жизни". И тут же вскоре после этой фразы: "Конец моей жизни — тут перед вами!"

Стихи, по собственному признанию, Лев Квитко начал сочинять в пору, когда еще не умел писать. Придуманное в детстве оставалось в памяти и позже "вылилось" на бумагу, вошло в первый сборник его стихов для детей, появившийся в 1917 году. "Лиделах" ("Песенки") называлась эта книга. Сколько лет было тогда молодому автору? "Точной даты моего рождения я не знаю — 1890 или 1893"...

Как и многие другие недавние обитатели черты оседлости, Лев Квитко с восторгом встретил октябрьскую революцию. В ранних его стихах улавливается некая тревога, но верный традициям революционного поэта-романтика Ошера Шварцмана, он воспевает революцию. Его поэма "Ройтер штурм" ("Красная буря") стала первым произведением на идише о революции, названной Великой. Так случилось, что выход первой его книги совпал с революцией. «Революция вырвала меня из беспросветности, подобно многим миллионам людей, и поставила на ноги. Меня стали печатать в газетах, сборниках, и мои первые стихи, посвященные революции, были напечатаны в тогдашней большевистской газете "Комфон" в Киеве».

Об этом он пишет в своих стихах:

Мы детства не видели в детские годы,

По свету бродили мы, дети невзгоды.

.....

А нынче мы слышим бесценное слово:

Придите, чье детство украли враги,

Кто был обездолен, забыт, обворован,

С лихвою вам жизнь возвращает долги.

Одно из лучших стихотворений Квитко, написанное в тот же период, хранит в себе вечную еврейскую печаль:

Умчался ты утром рано,
И только в листве каштана
Трепещет стремительный бег.
Умчался, оставив немного:
Лишь пыли дымок у порога,
Покинутого навек.
.....
А вечер навстречу мчится.
Где ты замедлишь бег?
В чьи двери ездок постучится,
И кто ему даст ночлег?
Знает ли он, как тоскуют по нем —
Я, мой дом!

Перевод Т. Спендиаровой

Вспоминая первые послереволюционные годы, Лев Моисеевич признавался, что революцию он воспринял скорее интуитивно, чем сознательно, но она многое изменила в его жизни. В 1921 году ему, как и некоторым другим еврейским писателям (А. Бергельсону, Д. Гофштейну, П. Маркишу), Киевское издательство предложило выехать за границу, в Германию, — учиться, получить образование. Это было давней мечтой Квитко, и, конечно, он согласился.

Иезуиты с Лубянки спустя много лет выбили по этому поводу из Квитко совсем другое признание: отъезд в Германию они заставили его признать бегством из страны, так как "национальный вопрос в отношении евреев разрешался советским правительством неправильно. Евреи не признавались как нация, что, на мой взгляд, вело к лишению всякой самостоятельности и ущемляло законные права по сравнению с другими национальностями".

Жизнь за границей оказалась далеко не простой. "В Берлине я с трудом перебивался"... Тем не менее там, в Берлине, было издано два его сборника стихов — "Зеленая трава" и "1919". Второй был посвящен памяти тех, кто погиб в погромах на Украине до и после революции.

"В начале 1923 года я переехал в Гамбург и стал работать в порту при солении и сортировке южноамериканских кож для Советского Союза, — писал он в своей автобиографии. — Там же, в Гамбурге, мне была доверена ответственная советская работа, которую я выполнял вплоть до моего возвращения на родину в 1925 году".

Речь идет о пропагандистской работе, которую он вел среди немецких рабочих как член коммунистической партии Германии. Уехал он оттуда, вероятнее всего, из-за угрозы ареста.

Л. Квитко и И. Рыбак. Берлин, 1922 год.

На суде в 1952 году Квитко расскажет, как из гамбургского порта под видом посуды отправлялось оружие в Китай для Чан Кайши.

Второй раз в коммунистическую партию, ВКП(б), поэт вступил в 1940 году. Но это уже другая партия и другая, совсем другая история...

Вернувшись на родину, Лев Квитко занялся литературной работой. В конце 20-х — начале 30-х годов созданы его лучшие произведения, не только поэтические, но и в прозе, в частности повесть "Лям и Петрик".

К тому времени он уже стал поэтом не только любимым, но и общепризнанным. На украинский язык его переводили поэты Павло Тычина, Максим Рыльский, Владимир Сосюра. На русский в разные годы его переводили А.Ахматова, С.Маршак, К.Чуковский, Я.Хелемский, М.Светлов, Б.Слуцкий, С.Михалков, Н.Найденова, Е.Благинина, Н. Ушаков. Переводили так, что стихи его стали явлением русской поэзии.

В 1936 году С.Маршак писал К. Чуковскому о Л. Квитко: «Хорошо, если бы Вы, Корней Иванович, что-нибудь перевели (например "Анну-Ванну...")». Перевел же ее некоторое время спустя С. Михалков, и благодаря ему это стихотворение вошло в хрестоматию всемирной детской литературы.

Здесь уместно вспомнить о том, что 2 июля 1952 года, за несколько дней до вынесения ему приговора, Лев Моисеевич Квитко обратился в военную коллегия Верховного суда СССР с просьбой пригласить на суд в качестве свидетелей, которые могут рассказать о нем истинную правду, К.И.Чуковского, К.Ф.Пискунова, П.Г.Тычину,

С.В. Михалкова. Суд ходатайство отклонил и, конечно, не довел его до сведения друзей Квитко, в поддержку которых он верил до последней минуты.

Недавно в телефонном разговоре со мной Сергей Владимирович Михалков сказал, что ничего об этом не знал. "А ведь он мог бы жить еще и сегодня, — добавил он. — Умный и хороший был поэт. Фантазией, весельем, выдумкой он вовлекал в свою поэзию не только детей, но и взрослых. Я часто вспоминаю его, думаю о нем".

...Из Германии Лев Квитко вернулся на Украину, а позже, в 1937 году, переехал в Москву. Рассказывают, что украинские поэты, особенно Павло Григорьевич Тычина, уговаривали Квитко не уезжать. В год приезда в Москву вышел поэтический поэта сборник поэта "Избранные сочинения", явивший собой образец соцреализма. В сборнике, разумеется, были и прекрасные лирические детские стихи, но "дань времени" (напомним, год на дворе стоял 1937-й), нашла в нем "достойное отражение".

Примерно в это же время Квитко пишет свое знаменитое стихотворение "Пушкин и Гейне". Отрывок из него в переводе С. Михалкова приведен ниже:

И вижу я младое племя

И мыслей дерзостный полет.

Как никогда мой стих живет.

Благословенно это время

И ты, свободный мой народ!..

В застенках не сгноить свободу,

Не превратить народ в раба!

Меня домой зовет борьба!

Я ухожу, судьба народа —

Певца народного судьба!

Незадолго до Отечественной войны Квитко закончил роман в стихах "Годы молодые", в начале войны он эвакуировался в Алма-Ату. В его автобиографии написано: "Я уехал с Кукрыниксы. Мы отправились в Алма-Ату с той целью, чтобы там создать новую книжку, которая соответствовала бы тому времени. Там ничего не получалось... Я пошел на мобилизационный пункт, меня освидетельствовали и оставили ждать..."

Л. Квитко с женой и дочерью. Берлин, 1924 год.

Одну из интересных страниц воспоминаний о пребывании Л.Квитко в Чистополе во время войны оставила в своих дневниках Лидия Корнеевна Чуковская:

"Приходит ко мне Квитко... Квитко я знаю ближе, чем остальных здешних москвичей: он друг моего отца. Корней Иванович одним из первых заметил и полюбил стихи Квитко для детей, добился перевода их с идиша на русский язык... Теперь два-три дня пробыл в Чистополе: здесь его жена и дочь. Ко мне пришел накануне отъезда, расспросить подробнее, что передать от меня отцу, если они где-нибудь встретятся..."

О Цветаевой, о безобразии, творимом литфондом, заговорила. Ведь не ссыльная же она, а такая же эвакуированная, как все мы, почему же ей не разрешают жить, где ей хочется..."

Об издевательствах, мытарствах, которые довелось пережить Марине Ивановне в Чистополе, об унижениях, выпавших на ее долю, о постыдном, непростительном безразличии к судьбе Цветаевой со стороны "писательских вождей", — обо всем, что привело Марину Ивановну к самоубийству, нам сегодня известно достаточно много. Никто из писателей, кроме Льва Квитко, не решился, не отважился заступиться за Цветаеву. После обращения к нему Лидии Чуковской он отправился к Николаю Асееву. Обещал связаться с остальными "писательскими функционерами" и заверил со свойственным ему оптимизмом: "Все будет хорошо. Сейчас самое главное — каждый человек должен конкретно помнить: все кончается хорошо". Так говорил в самые трудные времена этот добрый, отзывчивый человек. Он и утешал, и помогал всем, кто к нему обращался.

Еще одно свидетельство этому — воспоминания поэтессы Елены Благиной: "Война всех раскидывала в разные стороны... В Куйбышеве жил, терпя изрядные бедствия, мой муж — Егор Николаевич. Они изредка встречались, и, по словам мужа моего, Лев Моисеевич помогал ему, иногда давая работу, а то и просто делясь куском хлеба..."

И снова к теме "Цветаева—Квитко".

По мнению Лидии Борисовны Либединской, единственным из видных писателей, кто тогда в Чистополе беспокоился о судьбе Марины Цветаевой, был Квитко. И его хлопоты не были пустыми, хотя Асеев даже не пришел на заседание комиссии, рассматривавшей просьбу Цветаевой принять ее на работу посудомойкой в писательскую столовую. Асеев "заболел", Тренев (автор небезызвестной пьесы "Любовь Яровая") был категорически против. Допускаю, что имя Цветаевой Лев Моисеевич услышал от Лидии

Чуковской впервые, но желание помочь, защитить человека, было его органическим качеством.

...Итак, "идет война народная". Жизнь стала совсем иной и стихи — другими, непохожими на те, что писал Квитко в мирное время, и все же — о детях, ставших жертвами фашизма:

**Вот из лесов, оттуда, где в кустах
Смеется ветер голосом безумным, —
Идут, сомкнув голодные уста,
Дети из Умани...
Лица — сень желтизны.
Руки — кости да жилы.
Шести-семилетние старцы,
Убежавшие из могилы.**

Перевод Л. Озерова

В действующую армию Квитко, как было сказано, не взяли, его вызвали в Куйбышев для работы в Еврейском антифашистском комитете. По-видимому, это была трагическая случайность. В отличие от Ицика Фефера, Переца Маркиша, да и Михоэлса, Квитко был далек от политики. "Я, слава Б-гу, не пишу пьес, и меня сам Б-г охранял от связи с театром и Михоэлсом", — заявит он на суде. И на допросе, рассказывая о работе ЕАК: "Михоэлс больше всего пьянствовал. Практически работу вели Эпштейн и Фефер, хотя последний не был членом Еврейского антифашистского комитета". И дальше он даст поразительно точное определение сути И. Фефера: "он такой человек, что если будет назначен даже курьером, .. фактически станет хозяином... Фефер ставил на обсуждение президиума только те вопросы, которые ему были выгодны..."

Известны выступления Квитко на заседаниях ЕАК, одно из них, на III пленуме, содержит такие слова: "День гибели фашизма станет праздником для всего свободлюбивого человечества". Но и в этом выступлении главная мысль — о детях: "Неслыханные пытки и истребление наших детей — таковы методы воспитания, выработанные в немецких штабах. Детоубийство как будничное, повседневное явление — таков изуверский план, который осуществляли немцы на временно захваченной ими советской территории... Еврейских детей немцы истребляют до единого..." Квитко волнуется судьба детей еврейских, русских, украинских: "Вернуть всем детям их детство — огромный подвиг, совершаемый Красной Армией".

Л. Квитко выступает на III пленуме ЕАК.

И все же работа в ЕАК, занятия политикой — не удел поэта Льва Квитко. Он вернулся к делам писательским. В 1946 году Квитко был избран председателем профкома юношеских и детских писателей. Все соприкоснувшиеся с ним в то время вспоминают, с каким желанием, энтузиазмом он помогал писателям, вернувшимся с войны, и семьям писателей, погибших на этой войне. Он мечтал издать детские книжки, а на деньги, полученные от их издания, построить дом для писателей, оказавшихся без жилья вследствие войны.

О Квитко того времени Корней Иванович пишет: "В эти послевоенные годы мы часто встречались. У него был талант бескорыстной поэтической дружбы. Его всегда окружала крепко сплоченная когорта друзей, и я с гордостью вспоминаю, что в эту когорту он включил и меня".

Уже седой, постаревший, но по-прежнему ясноглазый и благостный, Квитко вернулся к своим излюбленным темам и в новых стихах стал по-прежнему славить и весенние ливни, и утренние щебеты птиц.

Следует подчеркнуть, что ни безотрадное нищенское детство, ни полная тревог и трудностей юность, ни трагические годы войны не смогли уничтожить восхитительное отношение к жизни, оптимизм, ниспосланные Квитко Небесами. Но прав был Корней Иванович Чуковский, когда говорил: "Иногда Квитко и сам признавал, что его детская влюбленность в окружающий мир слишком уж далеко уводит его от мучительной и жестокой действительности, и пытался обуздать свои дифирамбы и оды добродушной иронией над ними, представить их в юмористическом виде".

Если об оптимизме Квитко можно рассуждать, даже спорить, то чувство патриотизма, того истинного, не наигранного, не лживого, а высокого патриотизма, было не только присуще ему, но в значительной мере являлось сутью поэта и человека Квитко. Слова эти в подтверждении не нуждаются, и все же представляется целесообразным привести полный текст написанного им в 1946 году стихотворения "С моей страной", замечательный перевод которого сделан Анной Андреевной Ахматовой:

Кто смеет отделять народ мой от страны,

В том крови нет — подменена водой.

Кто отделяет стих мой от страны,

Тот будет сыт и скорлупой пустой.

С тобой, страна, велик народ.

Ликут все — и мать и дети,

А без тебя — во мгле народ,

Рыдают все — и мать и дети.

Народ, трудящийся для счастья страны,

Дает моим стихам оправу.

Мой стих — оружие, мой стих — слуга страны,

И только ей принадлежит по праву.

Без Родины умрет мой стих,

Чужой и матери, и детям.

С тобой, страна, живуч мой стих,

И мать его читает детям.

Пройдет несколько лет, и автора этого стихотворения обвинят в измене родине, в предательстве, шпионаже...

Год 1947, равно как и 1946-й, казалось, не сулил евреям СССР ничего плохого. В ГОСЕТе шли новые спектакли, и хотя зрителей становилось все меньше, театр существовал, выходила газета на идише. Тогда, в 1947-м, немногие евреи верили (или боялись верить) в возможность возрождения Государства Израиль. Иные продолжали фантазировать, что будущее евреев в создании еврейской автономии в Крыму, не догадываясь и не предполагая, какая трагедия уже вьется вокруг этой идеи...

Лев Квитко был истинным поэтом, и не случайно сказала о нем его друг и переводчик Елена Благинина: "Он живет в волшебном мире волшебных превращений. Лев Квитко — поэт-дитя". Только такой наивный человек мог за несколько недель до ареста написать:

Как не работать этими

руками,

Когда ладони чешутся, горят.

Как сильная струя

уносит камень,

**Волна работы унесет
усталость
И дальше мчит,
как водопад трубя!
Страна,
благословенная трудом,
Как хорошо работать для тебя!**

перевод Б.Слуцкого

20 ноября 1948 года вышло Постановление Политбюро ЦК ВКП(б), утвердившее решение Совета Министров СССР, согласно которому МГБ СССР поручено: "Не медля распустить Еврейский антифашистский комитет, так как этот Комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки". Есть в этом постановлении указание: "Пока никого не арестовывать". Но к тому времени арестованные уже были. Среди них поэт Давид Гофштейн. В декабре того же года арестовали Ицика Фефера, а несколькими днями позже из Боткинской больницы на Лубянку привезли тяжело больного Вениамина Зускина. Такова была обстановка в канун нового, 1949 года.

Вспоминается рассказ Валентина Дмитриевича Берестова: «Страх витал в семьях московской интеллигенции, не только еврейских. Одним раздавали Сталинские премии, других — сажали. И распределение это делалось по усмотрению, ведомому только одному человеку. Помню, в декабре 1948 года я был у Корнея Ивановича. Почему-то разговор зашел о Квитко. Корней Иванович передал мне от него привет, сказал, что стихи мои очень пришлись по душе Квитко. А потом вдруг как-то неожиданно добавил: "Близится юбилей Квитко, но настроение у него не совсем предъюбилейное. Вот написал ему новогоднее поздравление"».

Валентин Дмитриевич прочел стихи Чуковского по памяти, предупредив, что за точность не ручается, но суть сохранена:

**Как бы был я богат,
Если б деньги платил Детиздат.
Я послал бы друзьям
Миллион телеграмм,
Но теперь разорен я до нитки —
Детиздат лишь приносит убытки,**

И приходится, милые Квитки,

Поздравленья послать Вам в открытке.

Каким бы ни было настроение, в январе 1949 года, как пишет в своих воспоминаниях Елена Благинина, в Центральном Доме литераторов праздновалось 60-летие Квитко. Почему в 49-м 60-летие? Напомним, что точно года своего рождения не знал и сам Лев Моисеевич. "Гости собрались в Дубовом зале клуба писателей. Народу пришло много, юбиляра приветствовали сердечно, но он казался (не казался, а был) озабоченным и грустным", — пишет Елена Благинина. Председательствовал на вечере Валентин Катаев.

Немногие из тех, кто был на этом вечере, сегодня живы. Но мне повезло — я встретился с Семеном Григорьевичем Симкиным. В ту пору он был студентом театрального техникума при ГОСЕТе. Вот что он рассказал: "Дубовый зал ЦДЛ был переполнен. Вся писательская элита того времени — Фадеев, Маршак, Симонов, Катаев — не только удостоили юбиляра чести своими приветствиями, но и говорили о нем самые теплые слова. Что запомнилось больше всего — это выступление Корнея Ивановича Чуковского. Мало того, что он сказал о Квитко как об одном из лучших поэтов современности, так он еще прочел в оригинале, то есть на идише, несколько стихов Квитко, среди них "Анна-Ванна".

Л. Квитко. Москва, 1944 год.

22 января Квитко арестовали. "Идут. Неужели?.. /Это ошибка. /Но от ареста, увы, не спасает/ Уверенность в невиновности,/ И чистота помыслов и поступков/ Не аргумент в эпоху бесправья./ Простодушие заодно с мудростью/ Неубедительны ни для следователя,/ Ни для палача" (Лев Озеров). Если бы этим днем, днем 22 января, можно было закончить жизнеописание поэта Льва Квитко, какое бы это было счастье и для него, и для меня, пишущего эти строки. Но с этого дня начинается самая трагическая часть жизни поэта, и длилась она почти 1300 дней.

В застенках Лубянки

(Глава почти документальная)

Из протокола закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР.

Заседание первое. 8 мая 1952 года, 12-00.

Секретарь суда — старший лейтенант М. Афанасьев сообщил, что все обвиняемые доставлены в судебное заседание под конвоем.

Председательствующий — генерал-лейтенант юстиции А. Чепцов удостоверяется в самоличности подсудимых, и каждый из них рассказывает о себе.

Из показаний Квитко: "Я, Квитко Лейб Моисеевич, 1890 года рождения, уроженец села Голосково Одесской области, по национальности еврей, в партии состоял с 1941 года, до этого ранее ни в каких партиях не был (как известно, Квитко состоял до этого в коммунистической партии Германии. — М.Г.). Профессия — поэт, семейное положение — женат, имею совершеннолетнюю дочь, образование домашнее. Имею награды: орден Трудового Красного Знамени и медаль "За доблестный труд в Великой отечественной войне 1941—1945 гг." Арестован 25 января 1949 года (в большинстве источников 22 января. — М.Г.). Копию обвинительного заключения получил 3 мая 1952 года".

После оглашения обвинительного заключения председательствующий выясняет, понятна ли каждому из подсудимых его вина. Ответ "Понятна" произнесли все. Некоторые признали себя виновными (Фефер, Теумин), иные — полностью отвергли обвинение (Лозовский, Маркиш, Шимелиович. Доктор Шимелиович воскликнет: "Никогда не признавал и не признаю!"). Были такие, кто признавал свою вину частично. Среди них — Квитко.

Из допроса подсудимого Квитко. Допрос начался 15 мая 1952 года в 20 часов 45 минут.

Пред[седательствующий]: Подсудимый Квитко, в чем вы признает себя виновным?

Квитко: Я признаю себя виновным перед партией и перед советским народом в том, что я работал в Комитете, который принес много зла Родине. Я еще признаю себя виновным в том, что, будучи некоторое время после войны ответственным секретарем или руководителем еврейской секции Союза советских писателей, я не ставил вопрос о закрытии этой секции, не ставил вопрос о способствовании ускорению процесса ассимиляции евреев.

Пред[седательствующий]: Вину в том, что вы в прошлом вели националистическую деятельность, вы отрицаете?

Квитко: Да. Я это отрицаю. Я не чувствую за собой этой вины. Я чувствую, что я всей душой и всеми своими помыслами желал счастья земле, на которой я родился, которую я считаю своей родиной, несмотря на все эти материалы дела и показания обо мне... Мои мотивы должны быть выслушаны, так как я их буду подтверждать фактами.

Пред[седательствую]щий: Мы уже здесь слышали, что ваша литературная деятельность была посвящена целиком партии.

Квитко: Если бы мне только дали возможность спокойно отразить все те факты, которые имели место в моей жизни и которые меня оправдывают. Я уверен, что если бы здесь имелся человек, который хорошо умел бы читать мысли и чувства, он бы сказал правду обо мне. Я всю жизнь считал себя советским человеком, больше того, пусть это звучит нескромно, но это так — я всегда был влюблен в партию.

Пред[седательствую]щий: Все это расходится с вашими показаниями на следствии. Вы себя считаете влюбленным в партию, но зачем же тогда утверждаете ложь. Вы себя считаете честным писателем, а были настроены далеко не так, как говорите.

Квитко: Я говорю, что партии не нужна моя ложь, и я показываю только то, что можно подтвердить фактами. На следствии все мои показания искажались, и все показывалось наоборот. Это относится и к моей поездке за границу, будто она была с вредной целью, и это в такой же мере относится к тому, что я пролез в партию. Возьмите мои стихи 1920—1921 гг. Эти стихи собраны в папке у следователя. Они говорят совсем о другом. Мои произведения, напечатанные в 1919—1921 гг., были опубликованы в коммунистической газете. Когда я об этом говорил следователю, он мне отвечал: "Это нам не нужно".

Пред[седательствую]щий: Короче говоря, вы отрицаете эти показания. Зачем вы лгали?

Квитко: Мне было очень трудно воевать со следователем...

Пред[седательствую]щий: А почему вы подписали протокол?

Квитко: Потому что трудно было не подписывать его.

Подсудимый Б.А. Шимелиович, бывший главный врач Боткинской больницы, заявил: "Протокол... подписан мною... при неясном сознании. Такое состояние мое является результатом методического избиения в течение месяца ежедневно днем и ночью..."

Очевидно, что истязали на Лубянке не только Шимелиовича.

Но вернемся к допросу Квитко в тот день:

Пред[седательствую]щий: Значит, вы отрицаете свои показания?

Квитко: Абсолютно отрицаю...

Как здесь не вспомнить слова Анны Ахматовой? "Кто не жил в эпоху террора, тот этого никогда не поймет"...

Председательствующий возвращается к причинам "бегства" Квитко за границу.

Пред[седательствую]щий: Покажите мотивы бегства.

Квитко: Я не знаю, как сказать, чтобы вы мне поверили. Если религиозный преступник стоит перед судом и считает себя неправильно осужденным или неправильно виновным, он думает: хорошо, мне не верят, я осужден, но хоть Б-г знает правду. У меня бога, конечно, нет, и я никогда не верил в бога. У меня есть единственный бог — власть большевиков, это мой бог. И я перед этой верой говорю, что я в детстве и юности делал самую тяжелую работу. Какую работу? Я не хочу сказать, что я делал 12-летним. Но самая тяжелая работа — это находиться перед судом. Я вам расскажу о бегстве, о причинах, но дайте мне возможность рассказать.

Я сижу два года один в камере, это по моему собственному желанию, и для этого у меня есть причина. У меня нет живой души, чтобы с кем-нибудь посоветоваться, нет более опытного человека в делах судебных. Я один, сам с собой размышляю и переживаю...

Чуть позже Квитко продолжит свои показания по вопросу "бегства":

Допускаю, что вы мне не верите, но фактическое положение вещей опровергает вышеприведенный националистический мотив выезда. Тогда в Советском Союзе создавалось много еврейских школ, детдомов, хоры, учреждения, газеты, издания и вся инстанция "Культур-Лиги" обильно материально снабжалась советской властью. Учреждались новые очаги культуры. Зачем же мне нужно было уезжать? И не в Польшу я поехал, где тогда процветал махровый еврейский национализм, и не в Америку, где живет много евреев, а я уехал в Германию, где не было ни еврейских школ, ни газет и ничего другого. Так что этот мотив лишен всякого смысла... Если бы я бежал от родной советской земли, мог бы я написать тогда "На чужбине" — стихи, которые проклинают бурный застой жизни, стихи глубокой тоски по родине, по ее звездам и по ее делам? Не будь я советским человеком, хватило бы мне силы бороться с вредительством на работе в гамбургском порту, подвергаться издевкам и ругани "честных дядюшек", которые маскировались благодушием и моралью, прикрывая хищников? Если бы я не был преданным делу партии, мог бы я взять на себя добровольно секретную нагрузку, связанную с опасностями и преследованием? Без вознаграждения, после тяжелого малооплаченного трудового дня я выполнял задания, нужные советскому народу. Это только часть фактов, часть вещественных доказательств моей деятельности с первых лет революции до 1925 года, т.е. до тех пор, когда я вернулся в СССР.

Председательствующий не раз возвращался к вопросу антиассимиляционной деятельности ЕАК. ("Обвиняется кровь" — назовет свою выдающуюся книгу об этом процессе Александр Михайлович Борщаговский и, быть может, даст самое точное определение всему, что происходило на этом судилище.) Относительно ассимиляции и антиассимиляции дает показания Квитко:

В чем же я себя обвиняю? В чем я чувствую себя виновным? Первое — в том, что я не видел и не понимал, что Комитет своей деятельностью приносит большой вред советскому государству, и в том, что и я также работал в этом Комитете. Второе, в чем я считаю себя виновным, это висит надо мной, и я чувствую, что это мое обвинение. Считаю советскую еврейскую литературу идейно здоровой, советской, мы, еврейские писатели, и я в том числе (может быть, я больше их виноват), в то же время не ставили вопроса о способствовании процессу ассимиляции. Я говорю об ассимиляции еврейской массы. Продолжая писать по-еврейски, мы невольно стали тормозом для процесса ассимиляции еврейского населения. За последние годы еврейский язык перестал служить массам, так как они — массы — оставили этот язык, и он стал помехой. Будучи руководителем еврейской секции Союза советских писателей, я не ставил вопроса о закрытии секции. Это

моя вина. Пользоваться языком, который массы оставили, который отжил свой век, который обособляет нас не только от всей большой жизни Советского Союза, но и от основной массы евреев, которые уже ассимилировались, пользоваться таким языком, по моему, — своеобразное проявление национализма.

В остальном я не чувствую себя виновным.

Пред[седательствую]щий: Все?

Квитко: Все.

Из обвинительного приговора:

Подсудимый Квитко, возвратясь в СССР в 1925 году после бегства за границу, примкнул в гор. Харькове к националистической еврейской литературной группировке "Бой", возглавлявшейся троцкистами.

Являясь в начале организации ЕАК заместителем ответственного секретаря Комитета, вошел в преступный стовор с националистами Михоэлсом, Эпштейном и Фефером, содействовал им в сборе материалов об экономике СССР для отсылки их в США.

В 1944 году, выполняя преступные указания руководства ЕАК, выезжал в Крым для сбора сведений об экономическом положении области и положении еврейского населения. Был одним из инициаторов постановки вопроса перед правительственными органами о якобы имеющей место дискриминации еврейского населения в Крыму.

Неоднократно выступал на заседаниях президиума ЕАК с требованием расширения националистической деятельности Комитета.

В 1946 году установил личную связь с американским разведчиком Гольдбергом, которого информировал о положении дел в Союзе советских писателей, и дал ему согласие на выпуск советско-американского литературного ежегодника.

Из последнего слова Квитко:

Гражданин председатель, граждане судьи!

Перед самой радостной аудиторией с пионерскими галстуками выступал я десятки лет и воспевал счастье быть советским человеком. Кончаю же я свою жизнь выступлением перед Верховным Судом Советского народа. Обвиняюсь в тягчайших преступлениях.

Это выдуманное обвинение обрушилось на меня и причиняет мне страшные муки.

Почему каждое мое слово, сказанное здесь в суде, пропитано слезами?

Потому, что страшное обвинение в измене Родине невыносимо для меня — советского человека. Заявляю суду, что я ни в чем не виновен — ни в шпионаже, ни в национализме.

Пока мой ум еще не совсем помрачен, я считаю, что для обвинения в измене Родине надо совершить какой-то акт измены.

Я прошу суд учесть, что в обвинении нет документальных доказательств моей якобы враждебной деятельности против ВКП(б) и советского правительства и нет доказательств моей преступной связи с Михоэлсом и Фефером. Я не изменял Родине и ни одного из 5 предъявленных мне обвинений не признаю...

Мне легче быть в тюрьме на советской земле, чем на "свободе" в любой капиталистической стране.

Я — гражданин Советского Союза, моя Родина — Родина гениев партии и человечества Ленина и Сталина, и я считаю, что не могу быть обвинен в тяжких преступлениях без доказательств.

Надеюсь, что мои доводы будут восприняты судом как должно.

Прошу суд вернуть меня к честному труду великого советского народа.

Вердикт известен. Квитко, как и остальные подсудимые, кроме академика Лины Штерн, приговорен к ВМН (высшей мере наказания). Суд выносит решение лишить Квитко всех полученных им ранее правительственных наград. Приговор приводится в исполнение, но почему-то с нарушением традиций, существующих на Лубянке: вынесен он 18 июля, а приведен в исполнение 12 августа. Это еще одна из неразгаданных тайн этого чудовищного фарса.

Заканчивать этими словами статью о поэте Квитко не могу и не хочу. Верну читателя к лучшим дням и годам его жизни.

Л. Квитко. Москва, 1948 год.

Чуковский—Квитко—Маршак

Вряд ли кто-то станет оспаривать мысль, что еврейский поэт Лев Квитко получил бы признание не только в Советском Союзе (его стихи переведены на русский и еще 34 языка народов СССР), но и во всем мире, не будь у него блестящих переводчиков его стихов. "Открыл" Квитко для русских читателей Корней Иванович Чуковский.

Свидетельств тому, как высоко ценил Чуковский поэзию Квитко, немало. В свою книгу "Современники (портреты и этюды)" Корней Иванович наряду с портретами таких выдающихся писателей, как Горький, Куприн, Леонид Андреев, Маяковский, Блок, поместил портрет Льва Квитко: "Вообще в те далекие годы, когда я познакомился с ним, он прямо-таки не умел быть несчастным: необыкновенно уютен и благодетен был для него окружающий мир... Эта очарованность окружающим миром и сделала его детским писателем: от имени ребенка, под личиной ребенка, устами пятилетних, шестилетних, семилетних детей ему было легче всего излить свое собственное бьющее через край жизнелюбие, свою собственную простосердечную веру, что жизнь создана для нескончаемой радости... Иной литератор, когда пишет стихи для детей, пытается реставрировать тускнеющей памятью свои давно забытые детские чувства. Льву Квитко такая реставрация была не нужна: между ним и его детством не существовало преграды времен. Он по прихоти в любую минуту мог превратиться в малыша-мальчугана, охваченного мальчишеским безоглядным азартом и счастьем..."

Любопытным было восхождение Чуковского к еврейскому языку. Состоялось оно благодаря Квитко. Получив стихи поэта на идише, Корней Иванович не сумел превозмочь желания прочесть их в оригинале. Дедуктивно, расшифровывая по буквам имя автора и подписи под картинками, он вскоре "пустился читать по складам заглавия отдельных стихов, а потом и сами стихи"... Чуковский сообщил об этом автору. "Когда я вам посылал свою книжку, — написал ему в ответ Квитко, — у меня было двойное чувство: желание быть прочитанным и понятным вами и досада, что книга останется для вас закрытой и недоступной. И вот вы неожиданно таким чудесным образом опрокинули мои ожидания и превратили мою досаду в радость".

Корней Иванович, конечно, понимал, что ввести Квитко в большую литературу можно только путем организации хорошего перевода его стихов на русский язык. Признанным мастером среди переводчиков в ту предвоенную пору был С.Я. Маршак. Чуковский обратился со стихами Квитко к Самуилу Яковлевичу не только как к хорошему переводчику, но и как к человеку, знавшему идиш. "Я сделал все, что мог, чтобы по моим переводам читатель, не знающий подлинника, узнал и полюбил стихи Квитко", — писал Маршак Чуковскому 28 августа 1936 года.

Лев Квитко, безусловно, знал "цену" переводам Маршака. "Надеюсь с Вами скоро увидеться у нас в Киеве. Вы обязательно должны приехать. Вы нас обрадуете, много поможете в борьбе за качество, за расцвет детской литературы. Вас любят у нас", — писал Л. Квитко Маршаку 4 января 1937 года.

Стихотворение Квитко "Письмо Ворошилову", переведенное Маршаком, стало сверхпопулярным.

За три года (1936—1939) стихотворение было переведено уже с русского более чем на 15 языков народов СССР, печаталось в десятках изданий. «Дорогой Самуил Яковлевич! С Вашей легкой руки "Письмо Ворошилову" в Вашем мастерском переводе обошло всю страну...», — писал Лев Квитко 30 июня 1937 года.

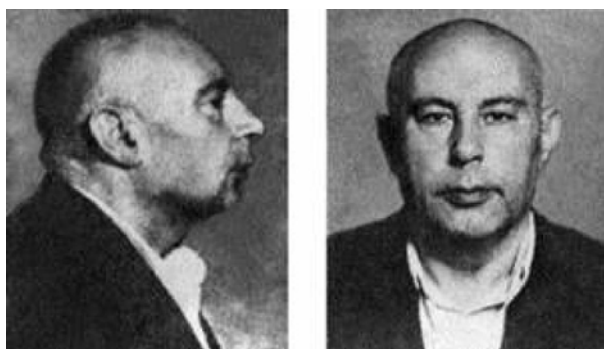
История этого перевода такова.

В своем дневнике Корней Иванович 11 января 1936 года написал, что в тот день были у него Квитко и поэт-переводчик М.А. Фроман. Чуковский подумал, что никто лучше Фромана не переведет "Письмо Ворошилову". Но произошло другое. 14 февраля 1936 года Чуковскому позвонил Маршак. Об этом Корней Иванович сообщает: «Оказывается, он недаром похитил у меня в Москве две книжки Квитко — на полчаса. Он увез эти книжки в Крым и там перевел их — в том числе "тов. Ворошилова", хотя я просил его этого не делать, т.к. Фроман уже месяц сидит над этой работой — и для Фромана перевести это стихотворение — жизнь и смерть, а для Маршака — лишь лавр из тысячи. У меня от волнения до сих пор дрожат руки».

Тогда Льва Моисеевича с Самуилом Яковлевичем связывала в основном творческая дружба. Они, разумеется, встречались на совещаниях по вопросам детской литературы, на праздниках детской книги. Но главное, что сделал Маршак, — своими переводами он приобщил русского читателя к поэзии Квитко.

Квитко мечтал о сотрудничестве с Маршаком не только в области поэзии. Еще до войны он обратился к нему с предложением: "Дорогой Самуил Яковлевич, сборник народных еврейских сказок собираю, есть у меня уже немало. Если Вы не передумали, можем приступить к работе осенью. Жду Вашего ответа". В архивах Маршака ответа на это письмо я не нашел. Известно лишь, что замысел Квитко остался неосуществленным.

Сохранились письма Самуила Яковлевича к Л.М.Квитко, преисполненные уважения и любви к еврейскому поэту.

Маршак перевел всего шесть стихотворений Квитко. Их настоящая дружба, человеческая и творческая, начала складываться в послевоенное время. Свое поздравление к 60-летию Маршака Квитко закончил словами: "Желаю т е б е (Выделено мной. — М.Г.) много лет здоровья, творческих сил на радость всем нам". На "ты" Маршак позволял обращаться к себе очень немногим.

А еще об отношении Маршака к памяти Квитко: "Конечно, я сделаю все зависящее от меня для того, чтобы издательство и печать воздали должное такому замечательному поэту, как незабвенный Лев Моисеевич... Стихи Квитко будут еще долго жить и радовать настоящих ценителей поэзии... Надеюсь, что мне удастся... добиться, чтобы книги Льва Квитко занимали достойное место..." Это из письма Самуила Яковлевича к вдове поэта Берте Соломоновне.

В октябре 1960 года в Доме литератора состоялся вечер памяти Л. Квитко. Маршак по состоянию здоровья на вечере не присутствовал. До этого он отправил письмо вдове Квитко: "Я очень хочу быть на вечере, посвященном памяти моего дорогого друга и

любимого поэта... А когда я поправлюсь (сейчас я очень слаб), я непременно напишу хоть несколько страничек о большом человеке, который был поэтом и в стихах, и в жизни". Сделать это Маршак, увы, не успел...

Нет ничего случайного в том, что Чуковский "подарил" Квитко Маршаку. Можно, конечно, полагать, что рано или поздно Маршак и сам бы обратил внимание на стихи Квитко и, наверное, перевел бы их. Успех дуэта "Маршак—Квитко" определился еще и тем, что оба они были влюблены в детей; вероятно, поэтому столь удачными оказались переводы Маршака из Квитко. Впрочем, говорить только о "дуэте" — несправедливо: Чуковскому удалось создать трио детских поэтов.

Л. Квитко и С.Маршак. Москва, 1938 год.

"Как-то в тридцатых года, — писал в своих воспоминаниях о Квитко К. Чуковский, — гуляя с ним по далеким окраинам Киева, мы неожиданно попали под дождь и увидели широкую лужу, к которой отовсюду сбегались мальчишки, словно то была не лужа, а лакомство. Они так ретиво зашлепали в луже босыми ногами, как будто нарочно старались измазаться до самых ушей.

Квитко глядел на них с завистью.

- Каждый ребенок, - сказал он, - считает, что лужи созданы специально для его удовольствия.

И я подумал, что, в сущности, он говорит о себе".

Тогда, по-видимому, родились стихи:

**Сколько грязи весенней,
Луж глубоких, хороших!
Как привольно тут шлепать
В башмаках и калошах!
С каждым утром все ближе**

**К нам весна подступает.
С каждым днем все сильнее
В лужах солнце сверкает.
Палку бросил я в лужу —
В водяное оконце;
Как стекло золотое,
Расколосось вдруг солнце!**

* * *

Великая еврейская литература на идише, зародившаяся в России, литература, восходящая к Менделе-Мойхер Сфориму, Шолом-Алейхему и завершившая свое существование именами Давида Бергельсона, Переца Маркиша, Льва Квитко, погибла 12 августа 1952 года.

Пророческие слова произнес еврейский поэт Нахман Бялик: "Язык — это кристаллизованный дух"... Литература на идише погибла, но не канула в бездну — эхо ее, вечный отзвук ее будут жить, пока живы на земле евреи.

ПОЭЗИЯ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

В заключение дадим слово самой поэзии Л. Квитко, представим творчество поэта в "чистом виде", без комментариев.

В переводах лучших русских поэтов оно стало неотъемлемой частью русской поэзии. Точно сказал о еврейском поэте замечательный писатель Рувим Фраерман: "Квитко был одним из лучших наших поэтов, гордостью и украшением советской литературы".

Очевидно, что Квитко чрезвычайно повезло с переводчиками. В предлагаемой вниманию читателей подборке — стихи поэта в переводе С. Маршака, М. Светлова, С. Михалкова и Н. Найденовой. Первые два поэта знали идиш, а вот Сергей Михалков и Нина Найденова сотворили чудо: не зная родного языка поэта, они сумели передать не только содержание его стихов, но и авторские интонации.

Итак, стихи.

ЛОШАДКА

**Не слышали ночью
За дверью колес,
Не знали, что папа
Лошадку привез,
Коня вороного
Под красным седлом.
Четыре подковы
Блестят серебром.
Неслышно по комнатам
Папа прошел,
Коня вороного
Поставил на стол.
Горит на столе
Одинокий огонь,
И смотрит в кроватку
Оседланный конь.
Но вот за окошками
Стало светлей,
И мальчик проснулся
В кроватке своей.
Проснулся, привстал,
Опершись на ладонь,
И видит: стоит
Замечательный конь.
Нарядный и новый,
Под красным седлом.
Четыре подковы
Блестят серебром.
Когда и откуда
Сюда он пришел?
И как ухитрился**

Взобратся на стол?
На цыпочках мальчик
Подходит к столу,
И вот уже лошадь
Стоит на полу.
Он гладит ей гриву,
И спину, и грудь,
И на пол садится —
На ножки взглянуть.
Берет под уздцы —
И лошадка бежит.
Кладет ее на бок —
Лошадка лежит.
Глядит на лошадку
И думает он:
"Заснул я, должно быть,
И снится мне сон.
Откуда лошадка
Явилась ко мне?
Наверно, лошадку
Я вижу во сне...
Пойду я и маму
Свою разбужу.
И если проснется,
Коня покажу".
Подходит он
к маме,
Толкает кровать,
Но мама устала —
Ей хочется спать.
"Пойду я к соседу
Петру Кузьмичу,
Пойду я к соседу
И в дверь постучу!"
- Откройте мне двери,
Впустите меня!
Я вам покажу
Вороного коня!
Сосед отвечает:
— Я видел его,
Давно уже видел
Коня твоего.
- Должно быть, ты видел
Другого коня.
Ты не был у нас
Со вчерашнего дня!
Сосед отвечает:
- Я видел его:
Четыре ноги
У коня твоего.
- Но ты же не видел,
Сосед, его ног,

Но ты же не видел
И видеть не мог!
Сосед отвечает:
— Я видел его:
Два глаза и хвост
У коня твоего.
- Но ты же не видел
Ни глаз, ни хвоста —
Стоит он за дверью,
А дверь заперта!..
Зевает лениво
За дверью сосед —
И больше ни слова,
Ни звука в ответ.

ЖУЧОК

Над городом ливень
Всю ночь напролет.
На улицах — реки,
Пруды — у ворот.
Трясутся деревья
Под частым дождем.
Промокли собаки
И просятся в дом.
Но вот через лужи,
Вертясь, как волчок,
Ползет неуклюжий
Рогатый жучок.
Вот падает навзничь,
Пытается встать.
Подрыгал ногами
И встал он опять.
До места сухого
Спешит поползти,
Но снова и снова
Вода на пути.
Плывет он по луже,
Не зная куда.
Несет его, кружит
И гонит вода.
Тяжелые капли
По панцирю бьют,
И хлещут, и валят,
И плыть не дают.
Вот-вот захлебнется —

Гуль-гуль! — и конец...

Но смело играет
Со смертью пловец!
Пропал бы навеки
Рогатый жучок,
Но тут подвернулся
Дубовый сучок.

Из рощи далекой
Приплыл он сюда —

Его принесла
Дождевая вода.

И, сделав на месте
Крутой поворот,
К жучку на подмогу
Он быстро идет.

Спешит ухватиться
Пловец за него,
Теперь не боится
Жучок ничего.

Плывет он в дубовом
Своем челноке
По бурной, глубокой,
Широкой реке.

Но вот приближаются
Дом и забор.

Жучок через щелку
Пробрался во двор.

А в доме жила
Небольшая семья.
Семья эта — папа
И мама, и я.

Жучка я поймал,
Посадил в коробок
И слушал, как трется
О стенки жучок.

Но кончился ливень,
Ушли облака.

И в сад на дорожку
Отнес я жука.

СКРИПКА

Я разломал коробочку,
Фанерный сундучок.
Совсем похож
на скрипочку
Коробочки бочок.
Я к веточке приладил
Четыре волоска —
Никто еще не видывал
Подобного смычка.
Приклеивал, настраивал,
Работал день-деньской...
Такая вышла скрипочка —
На свете нет такой!
В руках моих послушная,
Играет и поет...
И курочка задумалась
И зерен не клюет.
Играй, играй же,
скрипочка!
Трай-ля, трай-ля, трай-ли!
Звучит по саду музыка,
Теряется вдали.
И воробьи чирикают,
Кричат наперебой:
- Какое наслаждение
От музыки такой!
Задрал котенок голову,
Лошадки мчатся вскачь.
Откуда он? Откуда он,
Невиданный скрипач?
Трай-ля! Замолкла
скрипочка...
Четырнадцать цыплят,
Лошадки и воробушки
Меня благодарят.
Не сломал, не выпачкал,
Бережно несу,
Маленькую скрипочку
Спрячу я в лесу.
На высоком дереве,
Посреди ветвей,
Тихо дремлет музыка
В скрипочке моей.

КОГДА Я ВЫРАСТУ
Те лошадки шалые,
С влажными глазами,
С шеями, как дуги,
С крепкими зубами,
Те лошадки легкие,
Что стоят послушно
У своей кормушки
В светлой конюшне,
Те лошадки чуткие
До чего тревожны:
Только сядет муха —
Вздрагивает кожа.
Те лошадки быстрые,
С легкими ногами,
Только дверь раскроешь —
Скачут табунами,
Скачут, разбегаются
Безудержной прытью...
Тех лошадок легких
Не могу забыть я!

Тихие лошадки
Свой овес жевали,
Но, завидев конюха,
Радостно заржали.
Конюхи, конюхи,
С жесткими усами,
В пиджачишках ватных,
С теплыми руками!
Конюхи, конюхи
С выраженьем строгим

Выдают овес друзьям
Четвероногим.
Топчутся лошадки,
Веселы и сыты...
Конюхам нисколько
Не страшны копыта.
Ходят — не боятся,
Все им не опасно...
Этих самых конюхов
Я люблю ужасно!
А когда я вырасту, —
В длинных брюках, важно
К конюхам приду я
И скажу отважно:
— Пятеро детей у нас,
Всем работать хочется:
Есть поэт-братишка,
Есть сестричка-летчица,
Есть одна ткачиха,
Есть один учащийся...
Я же — самый младший —
Буду всадник мчащийся!
— Ну, веселый парень!
Откуда? Издалече?
А какие мускулы!
А какие плечи!
Ты из комсомолии?
Ты из пионерии?
Выбери ж коня себе,
Ступай в кавалерию!
Вот я мчусь, как ветер...
Мимо — сосны, клены...
Кто это навстречу?
Маршал Буденный!
Если я отличник,
Так ему скажу я:
"Скажите, в кавалерию
Зачислен быть могу я?"
Маршал улыбается,
Говорит с доверием:
"Подрастешь немного —
Зачислим в кавалерию!"
"Ах, товарищ маршал!
Ждать мне сколько
времени!.." —
"А ты стреляешь? Ты ногой
Достаешь до стремени?"
Я скачу назад, домой —
Ветер не угонится!
Я учусь, расту большой,
Я с Буденным быть хочу:
Буду я буденовцем!

Квитко в переводе Сергея Михалкова.

ВЕСЕЛЫЙ ЖУК

Он весел и счастлив
От пят до макушки —
Ему удалось
Убежать от лягушки.
Она не успела
Схватить за бока
И съесть под кустом

Золотого жука.
Бежит он сквозь чашу,
Поводит усами,
И чаша встречает
Его голосами.
Бежит он теперь
И знакомых встречает,
А маленьких гусениц
Не замечает.
Зеленые стебли,
Как сосны в лесу,
На крылья его
Осыпают росу.
Ему бы большую
Поймать на обед!
От маленьких гусениц
Сытости нет.
Он маленьких гусениц
Лапкой не тронет,
Он честь и солидность
Свою не уронит.
Ему после всех
Огорчений и бед
Всех больше добыча
Нужна на обед.
И вот наконец
Он встречает такую
И к ней подбегает,
От счастья ликуя.
Жирнее и лучше
Ему не найти.
Но страшно к такой
Одному подойти.

Он вертится,
Ей преграждая дорогу,
Жуков проходящих
Зовет на подмогу.
Борьба за добычу
Была нелегка:
Ее поделили
Четыре жука.

РАЗГОВОР

Дуб говорил:
— Я стар, я мудр,
я крепок, я красив!
Дуб из дубов —
я полон свежих сил.
Но все ж завидую
коню, который
По большаку несется
рысью спорой.
Конь говорил:
— Я быстр, я молод,
ловок и горяч!
Конь из коней —
люблю я мчаться вскачь.
Но все ж завидую
летающей птице —
Орлу иль даже
маленькой синице.
Орел сказал:
— Мой мир высок,
ветра подвластны мне,
Мое гнездо
на страшной крутизне.
Но что сравнится
с мощью человека,
Свободного и
мудрого от века!

Квитко в переводе Нины Найденовой.

ЛЕМЕЛЕ ХОЗЯЙНИЧАЕТ

Мама уходит,
Спешит в магазин.
— Лемеле, ты
Остаешься один.
Мама сказала:
- Ты мне послужи:
Вы
мой тарелки,

Сестру уложи.
Дрова наколоть
Не забудь, мой сынок,
Поймай петуха
И запри на замок.
Сестренка, тарелки,
Петух и дрова...
У Лемеле только
Одна голова!
Схватил он сестренку
И запер в сарай.
Сказал он сестренке:
- Ты здесь поиграй!
Дрова он усердно
Помыл кипятком,
Четыре тарелки
Разбил молотком.
Но долго пришлось
С петухом воевать —
Ему не хотелось
Ложиться в кровать.

СПОСОБНЫЙ МАЛЬЧИК

Лемеле однажды
Прибежал домой.
- Ой, — сказала мама, - Что это с тобой?
У тебя ведь до крови
Расцарапан лоб!
Ты своими драками
Вгонишь маму в гроб!
Отвечает Лемеле,
Шапку теребя:
- Это я нечаянно
Искусал себя.
- Вот способный мальчик!
- Удивилась мать. —
Как же ты зубами
Лоб сумел достать?
- Ну достал, как видишь, - Лемеле в ответ. -
Для такого случая
Влез на табурет!

ПАРНАС

Ḳīḳū - Āēēōāi

Накануне Судного дня, Йом Кипур, приехал я в один большой город. Вернуться к празднику домой не успел — служба. Но заниматься делами в такой день, когда все живое дрожит и трепещет, когда каждый верующий еврей встает в страхе перед тронем Судьи Всевышнего, моля об отпущении грехов, когда на Небесах взвешиваются все судьбы и выносятся окончательный приговор, — нет, в такой день заниматься делами никто меня не заставит! Я остановился в гостинице, побывал в бане, отдохнул, пообедал и, подготовившись таким образом к долгому посту и молитвам, отправился в синагогу.

Синагога всегда пробуждает во мне религиозные чувства, но в этот вечер торжественность обстановки, сотни зажженных свечей, бледные лица, увлажненные слезами, частые вздохи, безысходно грустные напевы — все это вызывало во мне особое чувство раскаяния, я ощущал себя "глиной в руках Творца".

Но вдруг одно небольшое происшествие отвлекло меня от молитв и, развевав скорбное настроение, возбудило мое писательское любопытство.

Происшествие это было тесно связано с тамошним кафешантаном "Парнас", который я и собираюсь описать. И да простит мне набожный читатель, что в День отпущения грехов, в святой День поста и молитвы я думаю о таких Б-гопротивных вещах, как кафешантан и певички. Но не нам решать, что грешно, не нам судить о падших и не нам знать, кто прав, а кто виноват. Пусть рассудит нас Судья Праведный.

Накануне Дня отпущения грехов "Парнас", тщательно разукрашенный, переливался в свете ярких огней всеми цветами радуги. Играет музыка. Сцена готова

показать миру все свои богатства и чудеса: прекрасные, легкие, как паутинка, газовые платья, море бриллиантов, туалеты, тела и ноги, ноги без конца!.. На маленьком клочке земли, который именуется садом, потому что здесь торчат из земли чахлые деревца, едва пережившие жаркое лето, туда-сюда слоняются, переговариваются люди. Все здесь — ложь, все — поддельное. Сад — не сад, деревья — не деревья, бриллианты фальшивые, веселье притворное. Все не настоящее, только пыль в глаза.

Все это знают и чувствуют, но все равно приходят сюда каждый день и сорят деньгами. Сидят и слушают. Зевают, но сидят. Стонет музыка, стонет сердце... Но сидят, словно привязанные, и слушают до самого конца, будто их кто заставляет. Но вот, слава Б-гу, музыка умолкает, слышится звонок, и публика занимает места. Подымается занавес. Полуобнаженная женская фигура выскакивает на сцену и детским голосом затягивает песенку. И не поймешь, то ли она поет, то ли распекает кухарку за плохо поджаренную картошку. Публика чувствует, что куплеты глупые и что поет она из рук вон плохо, все же аплодирует, а два-три балбеса из вежливости кричат "бис". Певица не заставляет себя долго упрашивать и начинает новую песенку, еще хуже первой. Публика зевает, но кричит "браво".

- Джу, сбегай, узнай, Драга Маришка уже пришла? - говорит красноносый толстый немец в блестящем цилиндре, хозяин заведения.

- Я только что оттуда. Ее еще нет! - отвечает Джу, горбоносый молодой человек в лиловом галстуке и без бороды.

- А что будем делать, если она не придет? Как раз сегодня неплохая публика, богатые юнцы, можно было бы подзаработать. Куда же она запропастилась?

- Фери-Фичи-Фучи тоже нет! - замечает Джу. - Черт знает, куда они делись! Может, домой к ним сбежать?

- Сбегай, сбегай, дорогой, приведи их, хоть бы и за косы пришлось тащить! — говорит красноносый хозяин. По всему видно, что он очень обеспокоен.

На сцене появляется какой-то жалкий субъект, делает несколько сальто в воздухе и строит рожи. Публика довольна, еще до конца номера раздаются аплодисменты.

Красноносый вне себя:

- Джу! Где Джу? Нет Джу!

Нет Драги Маришки! Нет Фери-Фичи-Фучи! Никого нет.

Красноносый что-то бормочет и как безумный мечется по "Парнасу".

На сцене появляется еврей, точнее — актер, изображающий еврея. Приклеив лохматую бороду и длинные пейсы, он передразнивает еврея. Борода и пейсы, остроконечная ермолка, длинный лапсердак, белые чулки и шлепанцы вызывают у публики неопишуемый восторг. Кто-то кричит: "Янкель!", на что "еврей" со сцены отвечает: "Хаим Срулик Кугель — вус?" В публике смех и радость — какое остроумие! А когда "еврей" достает из заднего кармана табакерку, берет понюшку табаку и после этого добрых полчаса чихает, крикам "бис" и "браво" нет конца. "Еврей" доволен, кланяется и

начинает петь очень милую песенку, звуки которой просто ласкают сердце. Разлохматив шевелюру, бороду и пейсы, он танцует и прищелкивает пальцами:

Гендель Фендель Мендельсон,

Фуйгель Трайтель Мандельштам,

Шнеир Дреир Мерибер,

Шмерко Берко Килишер!

Публика в восторге. Одни кричат "браво", другие — "бис". Кто-то даже, вскочив на стул, кричит "Ур-ра!" Словом — бурная радость.

Но красноносому этого недостаточно. Он ходит расстроенный, злится, гоняет прислугу — найдите ему Драгу Маришку!

- Где же они все? Как сквозь землю провалились! Неужели все трое там?

Хозяин "Парнаса", оставив одного слугу у дверей, подзывает извозчика и велит ехать в "еврейскую..."

Кто же такая Драга Маришка? И почему с таким нетерпением ждет ее красноносый?

Драга Маришка — самая популярная певица "Парнаса". Родом она из Будапешта. Ее исполнение венгерских мелодий и цыганских романсов восхищает всех. Ее песни, слова которых публика почти не понимает, полны чувства и боли. Они проникают в самое сердце, пробуждая неизведанные чувства и глубокие думы, вызывая вздохи, а то и слезы на глазах. В чем же сила ее песен? В приятном и нежном голосе, в музыке свободно льющихся слов, которым ее произношение придает особую прелесть? В прекрасных черных глубоких задумчивых глазах? В живом белоснежном лице? Или во всем вместе? Трудно понять. Одно можно сказать — стоит только Драге Маришке показаться на сцене, как шум и крики тут же прекращаются. Все затихают, будто охваченные благоговением. Все чувствуют — на сцене человек, у которого есть душа и сердце! Драга Маришка начинает петь, и публика замирает. И хочется, чтобы песня продолжалась, продолжалась без конца...

Любят слушать Драгу Маришку и евреи — в ее пении так много "души", от него веет еврейской скорбью. В ее пении — стон раненой груди и плач измученной души. Горечь сжимает сердце, и не так-то легко потом забыть это светлое лицо, эти глубокие черные задумчивые глаза, странные слова песни и нежный голос.

И, конечно, находится сколько угодно таких, кто готов ради Драги Маришки выложить деньги. Красноносый, разумеется, этому рад. А другие певицы и танцовщицы завидуют ей, в ложку воды утопили бы ее, если б могли. О, если бы они знали, где была в эту ночь Драга Маришка! Они бы отдали за это все свои фальшивые бриллианты! Они бы шепнули об этом, кому следует, и оплатили бы ей за все эти годы...

Так где же все-таки была Драга Маришка?

В синагоге...

Там, в маленьком местечке в Галиции, где она родилась, ее звали Двойра-Мира. Была она хорошей еврейской девочкой и росла у богатых набожных родителей. Но счастье от них отвернулось, они лишились своего богатства и уехали в Будапешт. Там вначале открыли табачную лавку, потом еврейский ресторанчик. Судьба же продолжала их преследовать. Тогда в больших городах все было по-другому. По-другому стали жить и они: отказались от своей религиозной ортодоксальности, поменяли имена на венгерские, в доме зазвучала венгерская речь, подули новые ветры. Отец, так и не свыкшийся с этими переменами, умер в еврейской больнице. Семья распалась. Старший сын ушел куда-то с бродячими музыкантами. Второй отправился искать счастье в дальние края, чуть ли не в Бразилию, да так и пропал, как в воду канул. Старшая дочь вышла замуж за синагогального певчего, младшая пошла работать на чулочную фабрику. Драга Маришка, оставшись вдвоем с матерью, помогала ей в ресторанчике, прислуживала гостям, подавала к столу, убирала посуду.

Посетителям нравилось, что им прислуживает такая красавица — ее осыпали комплиментами; иные этим не довольствовались и становились назойливыми, как это обычно бывает с мужчинами, когда они видят перед собой чудесный созревший плод и боятся, как бы он не перезрел...

Среди постоянных посетителей ресторанчика трудно было не обратить внимание на богатого молодого человека из Вены по фамилии Файершпайер. Было у него бледное красивое лицо, длинная, тонкая шея, глуховатый голос и добрые, немного близорукие глаза. Каждые два-три месяца он привозил в Будапешт изделия с фабрики своего отца. И всякий раз, проводя в городе несколько дней, приходил обедать в еврейский ресторанчик. Драга очень ему нравилась, и однажды, после обеда, без долгих предисловий — только его тонкая шея слегка покраснела — он попросил ее руки. Драга, совсем не ожидавшая такого предложения, ответила, что прежде всего ей надо поговорить с матерью. Мать очень обрадовалась, и предложение было принято. Вся семья пришла в восторг. Старшая сестра и ее муж бросились Драге на шею — теперь наконец кончатся их бедствия. Муж сестры не станет больше петь в хоре за жалкие 15 крон в месяц. Младшей сестре не придется по семнадцать часов в день работать на фабрике. Старая мать не будет стоять весь день на кухне. Файершпайер, богатый и очень добрый человек, им всем поможет. Они заживут по-новому, как жили когда-то, при отце. Сестры обнялись, расцеловались и расплакались от счастья.

Но если бы все получалось так, как хочется, в мире не было бы горя. Стоило старому Файершпайеру, упрямому немцу*, узнать об ожидаемой женитьбе сына, как он позвал его в свой кабинет, велел немедленно вернуть кассу, заплатил ему жалованье за два месяца и заявил, что сын свободен и может искать себе работу. Старик потребовал, чтобы сын отказался либо от женитьбы, либо от него, отца. Младший Файершпайер, не менее упрямый, чем его отец, ответил, что выбирает второе, что от своего слова не откажется, тем более что он любит невесту и счастлив. Старик выслушал сына и указал ему на дверь:

- Значит, решено? Прощай!

- Прощай, - ответил сын.

Разумеется, Драге в Будапешт было отправлено горячее письмо. В нем жених описывал сцену с отцом, просил ее не беспокоиться и не забывать, что он — не ребенок и сам кое-чего стоит, скоро найдет работу, и тогда наступит счастливый миг...

Действительно, молодой Файершпайер довольно быстро нашел работу, устроился, приехал в Будапешт и сыграл свадьбу.

Свадьба же была невеселая. Родные невесты были разочарованы и раздосадованы: все получилось не так, как они мечтали... Столько надежд возлагалось на этот брак! Муж старшей сестры надеялся получить хорошее место у богатого родственника; младшая сестра уже почти распрощалась с подругами на фабрике. Мать собиралась закрыть ресторанчик: довольно ей париться у плиты и прислуживать чужим людям. Она все чаще вспоминала о сыновьях, надеялась, что, услышав о богатстве сестры, они вернутся домой. И вдруг все мечты развеялись, как сон. Ну как тут не рассердиться на глупую Драгу и ее мужа? Почему бы им не помириться с отцом? Отец такой богач, а сын должен работать у кого-то за 150 крон в месяц. После свадьбы старшая сестра даже поссорилась с Драгой, перестала с ней разговаривать, чуть было не восстановила против нее мать.

Но Драга была счастлива. За три года после свадьбы родилось двое детей. Молодая семья жила прекрасно. Одна беда — Бернард (так звали мужа Драги) мало бывал дома. Его работа была связана с разъездами, приезжал он только на праздники и, не успев налюбоваться женой и детьми, снова должен был собираться в дорогу. Появилось и второе несчастье: Бернард стал болеть. Врачи советовали ему меньше ездить, отправиться летом на курорт, отдохнуть, но Бернард и слушать не хотел. Вся его жизнь была отдана Драге и детям... Достаточно было ему приехать на денек домой, посмотреть на них, это вливалось в него новые силы.

Но человек — не машина. Бернард в конце концов слег, слег и так больше не встал. Врачи все чаще посещали их дом, аптеки заработали на них кучу денег, а он становился все слабее. Профессор советовал свозить его на курорт, но на это уже не было денег. Старшая сестра предлагала обратиться за помощью к отцу. Но Бернард разгорячился, от волнения с ним случился приступ. Он просил ни в коем случае не писать отцу, хотя бы его болезнь и оказалась смертельной. Сестра сказала то, что положено старшей сестре: не оставаться же Драге вдовой из-за его глупого упрямства... Легко себе представить, какая поднялась буря, какая ссора началась между сестрами, каким адом стал дом. Теперь уже бедняжке Драге пришлось самой платить за лечение мужа, спасти его от смерти.

Бернард умер...

Драга осталась с двумя маленькими детьми, без всяких средств. За время болезни Бернарда ресторанчик лишился большей части посетителей, старушка истратила свои последние гроши. Драга распродала все, что имело хоть какую-то ценность. К тому же постоянные ссоры с родными, брань и ненависть не давали ей покоя. Ссорились из-за того, что Драга не хотела сообщить свекру о своем тяжелом положении, ничего не просила для своих детей, его внуков. Но она оставалась верна мужу и его взглядам. Тогда сестра написала старому Файершпайеру без ее согласия. В письме она упрекала его в бессердечности. Тот ответил, что согласен забрать внуков, но только с условием, что мать от них откажется и никогда не переступит порога его дома. Вся семья была возмущена этим письмом. Драга же возмущалась поступком сестры, плакала, рвала на себе волосы, кричала, что больше не останется в этом доме.

Но куда ей было деваться? Муж сестры помог ей поступить на работу: она стала петь в хоре. Красивая, с приятным голосом, она понравилась слушателям. Ее стали приглашать петь в рестораны, пивные, трактиры. С родными она помирилась. Появился и

поклонник, колбасник, вдовец с несколькими детьми. Он стал захаживать к ним в дом и однажды заявил, что хочет на ней жениться. Драга ему отказала. Колбасник обиделся и ушел, даже не попрощавшись с матерью Драги. Начались новые ссоры в семье. Но в это время подвернулось другое предложение...

Богатые любят веселиться, и всегда находятся люди, готовые об этом заботиться, готовые за деньги предоставлять богачам все, что только может взбрести в их пустые головы, — люди, делающие себе из этого ремесло.

В городе, куда я приехал накануне Судного дня, излюбленным местом богачей был "Парнас". Не чахлые маленькие деревца, не полусонная музыка, не буфет и не вино привлекают сюда сытую, довольную публику; сюда спешат за другими наслаждениями, только после полуночи начинается здесь настоящая жизнь...

В этот "Парнас" и попала Драга Маришка. Как певчая птица, запертая в клетку, плачет и поет, так плакала и пела Драга. Чтобы поймать птицу, охотники подсыпают зерно; чтобы поймать невинную несчастную душу, люди заманивают ее деньгами и бриллиантами. Драга не смогла противиться такому искушению: месячный заработок 300 рублей, не считая подарков. Хозяин "Парнаса", красноносый толстяк в блестящем цилиндре и с бриллиантами на толстых кольцах, не отходил от нее ни на шаг. Едва увидев и услышав ее, он был очарован и сказал, что место ей не в трактире, а в "Парнасе" — там ее осыплют золотом и бриллиантами. Он предложил ей контракт на сезон, расходы на дорогу за его счет и аванс в 300 рублей за первый месяц.

Он достал большой кошелек с золотой монограммой и вынул пачку новеньких банкнот. Бедная Драга с волнением смотрела на деньги и кольца с бриллиантами. Она думала о своих малышках: "Сколько молока им можно было бы купить! Сколько рубашечек! Сколько сладостей!" Старая мать смотрела на деньги, как голодная кошка на сало. Своим взглядом она будто говорила дочери: "Дура, неужели ты еще сомневаешься?" Старшая сестра подбежала и шепнула на ухо:

- Бери, глупышка, и поезжай! Там край дураков, золота и бриллиантов!

Драга не ответила. Ее черные глубокие глаза глядели туда, где в одной кроватке спали ее дети. Волосики взлохмачены, ручонки разбросаны. Щеки разругались,

словно свежие ароматные лепестки. Слезы выступили у нее на глазах. Все поняли этот долгий грустный взгляд, эти тихие слезы. Старая мать начала утешать ее, пообещала беречь детей, как зеницу ока. Две силы боролись в Драге — сила любви к детям и сила денег.

Вторая победила.

Ад, как его описывают в старых книгах, — это огромная печь, в которой вечно пылает огонь. Одни грешники варятся там в огромных котлах, других черти секут железными прутьями, жгут раскаленным железом, гоняют по горячему гороху, ставят на гвозди, вешают за язык и швыряют из одного конца света в другой.

Писатели тех времен не знали, видно, что существует ад, освещенный электрическим светом, с роскошно украшенными кабинетами и салонами, где играет музыка. Ад, где грешники, разодетые в шелк и бархат, не прыгают на раскаленных жаровнях, а едят и пьют, играют и поют, танцуют и веселятся.

В такой ад и попала Драга.

Шуршание кредиток, блеск бриллиантов, утешения матери, поцелуи сестры, прощание с детьми, дорога в далекий, незнакомый край — все это так оглушило ее, что она даже не обращала внимания на контракт, который подписала. А в контракте был параграф 13, в котором говорилось:

«Я, певица Драга Маришка, обязуюсь оставаться в "Парнасе" каждую ночь до закрытия сада, с гостями быть ласковой, приветливой и т.д...»

Слов "ласковой" и "приветливой" Драга вначале не поняла. А когда поняла, было уже поздно. Хоть и очень нужны ей были деньги, хоть и прельщали ее аплодисменты и восторги, которыми ее встречали, хоть и дарили ей дорогие подарки за прекрасные песни, а может быть, за ее красоту, — Драга, не колеблясь ни минуты, бросила бы все и бежала к своим детям. Но она была связано по рукам и ногам. Она оказалась в чужом краю, среди людей, не понимавших ее языка, которым ничего не было нужно, кроме ее песен и прекрасного тела...

Может быть, кому-то "Парнас" и казался раем, но для Драги он был адом.

Сонные музыканты играют сонный вальс. Сонные официанты в черных фраках и белых галстуках стоят наготове и ждут заказов. Ложи полны сонных притворно веселых гостей. Множество полуголых, накрашенных, разряженных танцовщиц и певиц крутится в зале, глядит вверх, в ложи: может, кто из гостей позовет их, угостит бокалом шампанского или бутылкой пива. Но никто их не зовет, никому они не нужны, никто на них не смотрит. А если кто и глазеет лениво сверху, то видит в них глупое стадо:

- Набрали коров! И какого черта? Ни одной смазливой!..

А глупые коровы с завистью глядят вверх, в ложу, где сидят Драга и танцовщица со странным именем Фери-Фичи-Фучи. Обе окружены веселыми гостями, их угощают шампанским. В ложе три господина. Один из них пришел утопить в вине свой гнев — он только что поссорился с женой. Второй прекрасно уживается со своей супругой: он недавно женился, получил хорошее приданое, а сюда друзья позвали его,

чтобы познакомить с двумя "штучками". Третий — настоящий шарлатан и такой пьяница, что и жизнь-то ему давно надоела. Все равно умирать — так хоть немного повеселиться.

Фери-Фичи-Фучи — первая танцовщица "Парнаса", единственная женщина, с которой Драга может поговорить. Они сразу понравились друг другу. И Фери, опытная искусительница, стала учить подругу уму-разуму.

- Ты еще совсем дикая козочка! Не понимаешь, кто такие все эти франты и вообще все мужчины. Собаки, волки, дикие звери - святые создания по сравнению с ними! С ними надо уметь обращаться, им надо мстить, сосать их кровь, а главное -как можно больше выманить у них денег, опустошить их карманы, отнимать последний грош. Потом — к дьяволу! И ни малейшей жалости! В огне сжечь, свиньям выбросить, лишь бы им меньше осталось!

Глаза танцовщицы мечут молнии. Она продолжает:

- Учись! Бери пример с меня! Мсти за себя, за меня, за всех нас! Дарят тебе подарок - бери и требуй следующий, получше. Угощают вином - пей, сколько можешь, остаток вылей на пол.. Хотят угостить тебя в буфете - выбирай самые дорогие блюда, чтобы они все свои деньги там оставили. Никакой пощады этим собакам! Я их знаю! О, я-то их хорошо знаю!

Фери-Фичи-Фучи рассказывает о своей жизни такие страшные вещи, что просто волосы встают дыбом. Драга ее боится и жалеет. Она уже слышала о множестве приключений, где были и кражи, и разбой, и убийства. Узнала она и о том, что Фери когда-то продали ее родные — вывели, показали, поторговались и продали, как лошадь. Узнала она, как по-свински обошелся с ней ее первый покупатель и как по-свински обращаются с ней до сих пор.

- Вон там, видишь того типа в лиловом галстуке, с еврейским носом? Это Джу, мой любовник... Жизнь бы за него отдала, черт бы его побрал, душу бы свою продала. Он знает это и вконец меня изводит: мою любовь он продает за деньги и эти деньги проматывает с другими, которые чулка моего не стоят. И он знает, что мне все известно, и боится, как бы я его не отравила.

- Отравила? - испуганно спрашивает Драга.

- Чего ты так испугалась, глупышка? Я бы уже давно отравила его, как собаку. Его счастье, что я люблю этого негодяя, умереть готова, только бы ему в аду меньше мучиться.

Фери-Фичи-Фучи достала из-за корсажа золотой медальон, открыла его, прижала к губам и поцеловала вложенную в него маленькую фотографию так горячо, как целуют единственное и любимое дитя.

- Чтоб он пропал, этот Джу! Я уже давно могла бы упрятать его в тюрьму! Давно бы его косточки там сгнили. Но мне его жалко. Не могу. Люблю его, смерть бы его задушила! Он мне дороже жизни.

Драга хочет бежать от этой несчастной, не слышать ее больше, но неведомая сила удерживает ее: она остается, и та поверяет ей свои тайны, наставляет на "путь истинный":

- Бери побольше! Себя пожалей, своих маленьких детей. Пусть падет на головы этих проклятых скотов вина за смерть твоего мужа, позор за твоих детей...

Вспомнив о детях, Драга краснеет от стыда, она места себе не находит, совесть мучит ее. Она чувствует себя виноватой перед мужем, перед детьми, хотя только ради них и пошла она на все это. А в письмах, которые она получает, ее убеждают оставаться здесь и зарабатывать деньги, как можно больше денег. Дети, пишет мать, растут, и на их содержание требуется все больше денег. Сама она болеет, работать уже не может. Старшая сестра тоже все время просит денег — ее муж совсем мало зарабатывает.

От этих писем еще сильнее щемит сердце у Драги. Она начинает понимать, что катится все ниже, на самое дно. Ее глаза становятся все глубже — и это очень нравится публике, ее песни все грустнее — и это тоже нравится публике. Какие-то люди вертятся вокруг нее, как мухи вокруг меда. Они ей противны, жизнь отвратительна, мир гадок. Она знает, что кроме Б-га на небе, кроме души Бернарда в раю и двух невинных "ангелочков" там далеко, дома, никого в целом свете у нее нет. И грешная душа ее втайне взывает к Б-гу Израиля, которого почитает весь мир. Ее тянет в синагогу, но она не осмеливается пойти туда: никто не должен знать, что она еврейка, это может ей повредить. Это тайна, которую знает только красноносый, хозяин "Парнаса".

И еще кое-кто имеет отношение к "Парнасу" и к нашему рассказу — это Абраша. Маленький человек с широко раскрытыми глазами, редкими волосами и красным, всегда потным лицом. Говорит он очень тихо и мало, слова из него не вытянешь. Весь персонал "Парнаса" его уважает. Если кому-то нужно ненадолго взять взаймы денег, заложить вещь в ломбарде, передать записку, обращаются к Абраше. Если нужно что-то скрыть, доверить тайну, поделиться горем, зовут Абрашу. Абраша, как всем известно, не выдаст. Дела его идут неплохо. Жена прилично одета, дети учатся в школе, а сам он всегда занят — крутится в "Парнасе". В городе у него из-за этого дурная репутация... Он это знает, но не огорчается. Пусть говорят, что хотят, только бы он мог прокормить свою семью, и только бы не пришлось ему обращаться к кому-то за помощью.

Абраше и решила Драга признаться в том, что она еврейка и ей хочется накануне Судного дня побывать в синагоге. Но надо сделать так, чтобы никто не узнал об этом. Абраша обещал все устроить. И как только в небе зажглись первые звездочки, он пришел, принес Драге юбку и черную шелковую шаль своей жены. Драга переоделась, и они пошли по еврейским улочкам. В синагоге Абраша подвел ее к прислуживающей в женской молельне и шепнул той на ухо:

- Вот та еврейка, о которой я вам говорил.

А сам исчез.

В синагоге, как всегда в эту ночь, было тесно, жарко и душно. Наверху, в женской ее части, было еще теснее и жарче. В первых рядах сидели жены богатых и зажиточных евреев с толстыми молитвенниками в руках и сосредоточенно молились. Сзади, ближе к дверям, толпились бедные женщины, у которых не было молитвенников. Но источник слез оставался открытым для всех. Все ждали, когда кантор и хор запоют грустную молитву "Кол Нидрей", и как только прозвучали ее первые звуки, послышался плач. Стоявшая среди бедноты Драга вслушивалась в грустную мелодию старой-престарой еврейской молитвы, которую евреи во всем мире поют все одинаково. Эта мелодия напоминала ей ушедшие счастливые годы и теперешнюю ее жизнь. Чувство раскаяния захлестнуло Драгу, из самых глубин ее души полилась молитва. Вряд ли какая-нибудь из женщин, присутствовавших в синагоге, молилась так горячо, как Драга Маришка, без слов, только сердцем.

Была в синагоге женщина, с которой Драга не сводила глаз. Молодая, тоже в черной шали, прикрывающей лицо. Драга слышала, как горько она плакала. "Наверное, тоже несчастна", — подумала она. А старый, мелодичный, печальный мотив "Кол Нидрей" наполнял синагогу и сливался с рыданиями несчастных женщин, отвергнутых душ...

Потом, когда кантор рыдающим голосом запел "да вознесется наша молитва...", плач в женской молельне стал еще громче, еще сильнее. Но громче всех плакали бедные женщины, среди них Драга и та, в черной шали. От рыданий эта женщина упала в обморок.

Женский обморок в синагоге - не новость. Поднимается шум, иногда начинается давка. Но чаще все проходит спокойно. Женщину выносят на воздух, обливают водой, дают ей понюхать чего-нибудь "от обморока", и она приходит в себя. Так было и на этот раз. Драга вместе с другими женщинами суежилась возле упавшей в обморок. И вдруг она ее узнала, вскрикнула и сама чуть не лишилась чувств.

Это была Фери-Фичи-Фучи...

Возле нее опустился на колени Абраша с холодной водой, уксусом и лекарством "от обморока" — средствами специально для этого дня. Рядом стоял горбоносый Джу в лиловом галстуке. Джу удивило не то, что он встретил в синагоге двух артисток "Парнаса". Он прекрасно знал, что обе они, как и он, дети Израиля, хоть и скрывали это друг от друга... Но ему показалось, что в толпе, хлынувшей из синагоги посмотреть на женщину, упавшую в обморок, промелькнул хозяин "Парнаса" с маленьким молитвенником в руке, в цилиндре, надвинутым на глаза...

Через раскрытые двери синагоги донеслись звуки плача и грустных молитв.
Ярко сияющая луна освещала бледные лица героев "Парнаса".

Они переглянулись и без слов прекрасно поняли друг друга.

Í àààä ñ èè ò í àñéí ã Á àèèí ù Ñí è ààé, Á èèüí þñ—ÑØÀ

Èèþñ ò ààèè Ì. Èõ ààà

В ГРОЗУ

Áààèä Ì èí ñèè

Эту историю рассказала мне одна религиозная женщина как предостережение грешникам, современной молодежи, писателям и художникам.

Черные грозовые тучи, тяжелые, плотные, стали пятнами покрывать небо. Быстро появляясь из-за леса, они вскоре закрыли все небо над деревней. Подгоняемые сильным ветром, злые, мрачные и опасные, они неслись дальше. Ураганный ветер, как бы осознавая свою силу, поднимал до самых туч столбы пыли, срывал крыши с домов, вырывал с корнями деревья.

Страх охватил жителей деревни. Ясный солнечный день превратился в ночь, как это и должно быть в последнюю субботу перед Днем покаяния. Тьма стала страшной и тягостной, как в сердцах набожных евреев.

Люди спрятались в своих домах, закрыли окна, плотно заперли двери. Невеселое настроение людей, навешанное Днем покаяния, стало еще более подавленным, их лица — еще серьезнее, печальные голоса певцов псалмов — еще печальнее. Г-сподь гневается.

А тьма все нарастала и нарастала.

Старая Шейна оторвала свой взгляд от священных книг и сквозь очки посмотрела на улицу. Ее душа была наполнена Всемогуществом Б-га.

На улице светлее не становилось. Все так же бесконечной чередой неслись тучи, и воющий ветер поднимал столбы пыли.

Шейна больше не могла читать молитвы. Она сняла очки, заложила их между страницами тоненького молитвенника, встала и направилась в комнату дочери.

- Что ты скажешь на...?

Вопрос она не закончила, так как дочери в комнате не оказалось.

Пожилая женщина обвела комнату взглядом, заглянула на кухню и вернулась обратно. Шляпки дочери на месте не было. Дрожащими руками мать открыла шкаф — жакета тоже не было!

Дочь ушла! А ведь Шейна предупреждала ее, чтобы она не выходила из дому сегодня, в Покаянную Субботу. Она могла бы остаться и не бегать на свидание к этому "отступнику", бывшему студенту.

Старое лицо женщины почернело, как и небо. В страшном смятении она оглядывала комнату, как будто искала, на чем выместить свой гнев — ударить кого-нибудь или что-нибудь разбить.

- Она мне больше не дочь! - воскликнула она в отчаянии и протянула руки к небу.

Ее не пугало то, что такое проклятие слетает с ее губ в печальную Субботу. В груди ее все бушевало, и в таком состоянии она могла выкрикивать самые страшные и резкие слова. Могла бы схватить дочь за волосы, без всякой жалости надавать ей пощечин.

Шейна набросила на голову платок и выбежала из дома. Она постарается найти их и заслуженно покарать!

Молния прорезала тучи, затем последовал раскат грома. Вспышки молний следовали одна за другой, их сопровождали непрерывные раскаты грома. Каждая вспышка была ярче другой, каждый раскат грома — сильнее предыдущего!

Страх, охвативший людей, возрастал. Все понимали, что это гром Покаянной Субботы, выраженный таким демоническим способом. Он затронул сердца верующих, души их погрузились в молитву.

Однако старая Шейна едва обратила внимание на раскаты грома. Ветер засыпал ей глаза пылью, развеивал юбку, срывал с головы платок, рвал ее седые волосы.

Она бежала вперед, позабыв обо всем. Не видела и не слышала, что происходило вокруг, потому что в ее душе также раздавались раскаты грома и ярости, которые увлекали ее все дальше и дальше. Глаза у нее налились кровью, их застилала сплошная тьма.

Ее маленькая фигурка стала еще меньше. Согнувшись и тяжело дыша, женщина неслась вперед большими шагами. Казалось, что она обгоняет ветер, но когда ему все же удавалось догнать Шейну, он только подгонял ее, и она ускорила бег.

Не оглядываясь по сторонам, Шейна не замечала любопытных глаз, смотревших на нее из закрытых окон, мимо которых она пробегала. Ее внутренний гнев сливался с гневом природы. Ее главными мыслями были проклятья, проклятья ужасные, страшные, и выражала она их не словами, а всем своим существом. Внутри нее все кричало и взрывалось раскатами грома, заглушавшими раскаты, исходившие из черных сердитых туч.

Она вихрем налетела на дом "отступника", с грохотом открыла входную дверь и с еще большим грохотом хлопнула ею. Все, кто находился в доме, содрогнулись от этого внезапного вторжения и вскочили на ноги. Женщина враждебно, со злобой посмотрела на них и бросилась в комнаты. Пробежала одну, вторую, третью. Сопровождаемая раскатами грома, она с силой открывала двери и громко хлопала ими, будто соревновалась, кто сильнее заставит дрожать стекла в окнах, она или гром. Испугался и заплакал маленький

ребенок. Шейна носилась из комнаты в комнату, но студента и ее дочери нигде не было. С силой рванув наружную дверь и оставив ее раскрытой, она немного задержалась на крыльце, протянула руки к небу и хриплым голосом произнесла:

- Пусть пламя испепелит этот дом!

Хозяин дома стоял с раскрытым ртом, все находившиеся вместе с ним от изумления также забыли закрыть рты.

Тучи извергали потоки воды и града. Все кипело, как в котле, и это кипение гневом откликалось в душе Шейны. Внутри нее все неистово бушевало. Она больше не ощущала земли под ногами, потоки воды промочили ее до нитки, но это не только не останавливало ее, а наоборот, увеличивало ее силы. Бегая от дома к дому, нигде не задерживаясь и нигде не произнося ни слова, она надеялась где-то застать свою дочь и "отступника".

Она найдет их! Даже под землей. И Шейна не переставала проклинать их, произносить немислимые ругательства. Покинув последний дом, она на мгновение остановилась: куда бежать теперь? И повернула домой. Сердце подсказывало ей, что дочь должна быть уже дома. А ее губы продолжали произносить проклятья, ее внутренний гнев был таким же страшным, как и гнев наружный. Шейне казалось, что все вокруг нее насыщено криками и ругательствами.

В сопровождении сильного порыва ветра, вспышки молнии и сильнейшего удара грома она ворвалась к себе домой.

Дочери дома не было.

Шейна опустилась на стул и разразилась воплями.

Раздался очередной удар грома. Это был один из тех ударов, которые производят самые сильные разрушения. Казалось, что сама природа хочет избавиться от излишков энергии, оставленных ей этим жарким летом.

Жителей деревни сковал страх. Прежде чем рискнуть выглянуть на улицу, они оглядывались по сторонам. Кающиеся в грехах еще ниже склонились над своими молитвенниками, их голоса дрожали.

Но Шейна не слышала раскатов грома. Она не переставала горько голосить. Дикие вопли рвались из ее горла, такие же страшные, как удары грома.

- Чтобы она больше не вернулась в этот дом! Чтобы ее принесли сюда мертвой! О Всемогущий Б-же!

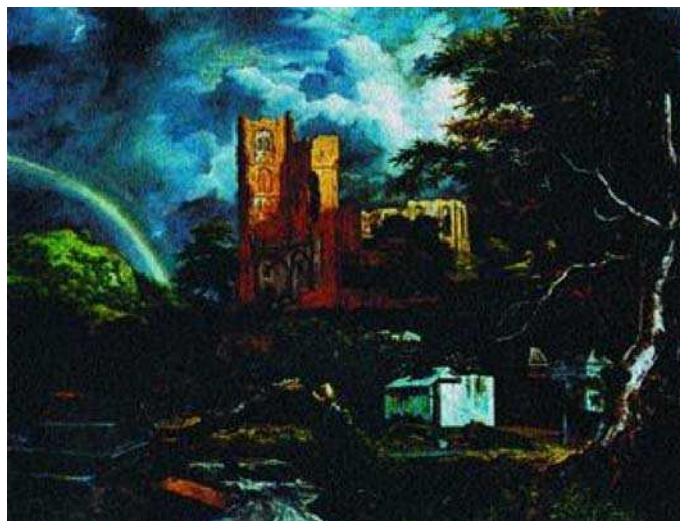
Небо ответило ей новым раскатом грома, а ветер усилил свой пронзительный вой.

Вдруг Шейна вскочила на ноги и опять бросилась на улицу. Ветер летел вслед за ней. Вот он толкает ее в спину и гонит дальше. А вот, как верный пес, забегаем вперед, сбивая ее с ног. Падающие из черных туч потоки воды смешиваются с горячими слезами, бегущими из ее пылающих глаз.

Теперь она бежала к дороге, которая проходила сразу за деревней.

Конечно, они пошли гулять по этой дороге. Там их видели несколько раз. Она должна будет встретить их на дороге или в гостинице у Ионы, недалеко от большого леса.

В переулке, последнем в деревне, собаки во дворах слышали, как она бежит по раскисшей земле. Некоторые из них начинали лаять из-за ворот, но выйти на дождь не решались. Другие, не такие ленивые, пролезали под воротами и злобно лаяли ей вслед. Но Шейна не видела и не слышала их. Она бежала дальше и пристально всматривалась в дорогу, которая начиналась сразу же за переулком.

Одна собака ухватила Шейну за промокшую насквозь и ставшую тяжелой юбку. Женщина не обратила на нее внимания и какое-то время тащила ее за собой, пока та не устала бежать под проливным дождем и не отступила. Несколько секунд собака думала, не ухватить ли ей юбку снова, но, издав жалобный вой, побежала к себе во двор.

На дороге ветер был намного сильнее. Громовые раскаты тысячеголосым эхом отражались от соседнего леса.

Сквозь плотную водяную завесу Шейна всматривалась в пространство перед собой.

Дорога была завалена большими и малыми ветками, сбитыми грозой. Иногда ей на пути попадались целые деревья, вырванные с корнями и обуглившиеся.

- Б-же Всемогущий! Пусть их так же поразит этот гром! - бормотала она.

В нее давно проник этот внутренний крик. Но только сейчас она нашла подходящую форму для его выхода.

Раскаты грома вырвали из ее уст это страшное проклятие.

Она бежала все дальше и дальше.

Но что это там?

В нескольких шагах от нее на земле лежали два человека. Мужчина и женщина. В неудобных позах. С искаженными лицами, черными, как земля, и запавшими глазами.

Ослепительно вспыхнула молния, и раздались оглушительные раскаты грома.

Шейна узнала свою дочь.

Узнала скорее по одежде, чем по обуглившемуся лицу, скорее по фигуре, чем по страшным глазам.

Одна рука молодого человека лежала на руке девушки, в другой он держал обгоревший зонт.

Старая женщина была готова заново разразиться проклятиями, присоединить свой гнев к гневу бури. В глазах ее сверкали молнии, а в сердце поднялась страшная буря.

Ей хотелось выкрикнуть самое злое ругательство, которое девушка заслужила к концу своей жизни. Шейне очень хотелось послать ей вдогонку самые ужасные и унижительные слова.

Но внезапно перед ней все стало черным. Казалось, ей в голову влили расплавленный свинец. Ее охватили слабость и дрожь, промокшая одежда тянула книзу. Взор матери потускнел.

Гром и молния, завывания ветра возобновились с новой силой.

Но в душе старой женщины все было тихо, мертво. Она опустилась на колени перед дочерью и положила на нее дрожащие руки. Тусклое пламя в ее глазах окончательно погасло.

Ее била дрожь. Зубы стучали. Хриплым безжизненным голосом она тихо произнесла:

- Моя дорогая дочь! Моя дорогая Геня!..

Уважаемая редакция!

Позвольте высказать свои соображения по вопросу, затронутому в письмах в “Лехаим” И. Керпеля (1999, №3) и его петербургских оппонентов (№5). Конечно, призывы г-на Керпеля звучат более чем наивно, но проблема существует и “обойти” ее вряд ли удастся. В России, Украине и ряде других посткоммунистических государств формируется “олигократия”: немногие граждане приобретают непропорционально большое влияние на экономику, политику, общественное мнение и т.п., осуществляемое преимущественно вне конституционных механизмов. На этом общем фоне просматриваются весьма интересные национальные орнаменты... Так, в списке 10 самых богатых россиян невооруженным глазом прочитываются 4 еврейские фамилии, из 6 наиболее влиятельных “политических олигархов” Украины евреями являются по крайней мере двое и т.д. Естественно, не может быть признана нормальной ситуация, когда 0,5%-ное меньшинство населения страны “поставляет” ей 20-40% истеблишмента. Не следует игнорировать эту ненормальность, ибо, во-первых, с нас за нее все равно “спросят”, а во-вторых, как граждане своих держав давайте-ка спросим себя сами, почему так получается.

Уточним предварительно саму постановку вопроса. Обеспокоенность национал-патриота можно понять и разделить не в том аспекте, что евреев среди богатых и влиятельных “так много”, а в том, что касается малочисленности представительства в элите “титупальной” нации. То, что евреи “живут хорошо” (задумаемся, кстати, откуда берется столь далекий от реальности “зрительный эффект”...), подчеркивает и оттеняет нестерпимые жизненные условия коренного населения. Установку в Киеве памятника Шолом-Алейхему и мемориальной доски в честь Голды Меир украинец не может воспринимать вне контекста всеобщей нищеты и обращенного вспять национального возрождения... Мы-то знаем, что оживление на еврейской улице более чем относительно, но ведь на других улицах запустение и деградация почти абсолютны! Значит, что-то не так именно на этих улицах: не просто “плохо”, а хуже, чем могло бы быть...

Я довольно хорошо знаком с современным бытом украинского села. Нет кредитов, техники, горючего, дорог и т.д., некуда сбывать продукцию, господствуют тотальный развал и запустение. Но ведь во многих случаях даже просто рациональное использование приусадебного участка в 2-3 раза повысит его доходность, простейшая кооперация нескольких семей уже даст ощутимый эффект, в целом же, я уверен, село вполне способно возрождаться своими силами, “с подворья”, а не из Киева!.. Но все упорно держатся за привычную бесхозяйственность, и жестоко карается любой “отступник” от этого правила.

Точно такая же картина на госпредприятии, в частной фирме, общественной организации, “коридорах власти”. Человеку мало-мальски предприимчивому тут видны тысячи никем не используемых возможностей. И хотя евреи 70 лет варились в том же “совковом” котле, некоторыми алгоритмами своего делового поведения мы все же отличаемся от славянских соседей. Мы меньше пьем, упорнее ищем проходы в хаосе “непреодолимых” препятствий, энергичнее тянемся к знаниям и званиям, бережливее, чем наши земляки-неевреи, копим кто духовный, а кто материальный капитал.

Объясняя отсутствие антисемитизма в своей стране, М.Тетчер как-то заметила, что англичанин не испытывает комплекса неполноценности перед евреем. Действительно, английский бизнесмен, интеллигент на равных конкурируют со своими еврейскими соотечественниками, тогда как на постсоветском пространстве мы часто оказываемся вне

конкуренции. Поэтому в туманном Альбионе, возможно, не имеют ныне прямых аналогов такие рейтинговые фигуры, как Березовский или Суркис. Но 60% евреев СНГ сегодня просто не выживут без посторонней помощи; половина их уже бежала из своих стран, а многие оставшиеся готовятся к побегу или мечтают о нем. Ибо отдельно взятая еврейская община не может жить припеваючи среди всеобщего упадка.

"Румяные активисты отъезда" могут над всем этим не задумываться. Иное дело — та, пусть небольшая часть "постсоветского" еврейства, которая хочет иметь какую-то перспективу на этой земле... Ненормальная ситуация порождает опасное напряжение. Его не удастся разрядить, "опуская" свою ментальность до уровня окружающей среды или "маскируя" разными способами еврейское происхождение значительной части капиталов, идей и рейтинговых фигур, функционирующих ныне на руинах "соцлагеря". И потом, нельзя же обманывать самих себя, дорогие евреи! Мы "не такие", мы действительно занимаем в этом обществе аномально "выдающееся" место, которое ни нас самих, ни наших сограждан радовать не может. Кроме всеобщего Исхода, единственный реальный путь устранения этой аномалии — повышение конкурентоспособности наших соотечественников до уровня датчан и разных прочих шведов. До такого уровня, когда русская газета будет издаваться на русские же деньги, когда за спинами украинских политиков будут видны физиономии украинских магнатов, когда белорус или молдаванин, успешно занимаясь строительством своего государства, добываясь его процветания, еврейской, кавказской или иной конкуренции чужаков страшиться не будет.

"Прямолинейных" способов решения этой задачи я не вижу. В ментальности коренных народов СНГ начисто отсутствует алгоритм национальной учебы у кого-либо, а евреи отнюдь не стремятся быть их мудрыми наставниками. И потом — почему именно евреи, а не, скажем, японцы? И какие новые антисемитские перлы произросли бы из такого распределения ролей!

Направить еврейские капиталы и интеллект на помощь народам СНГ? Разработать такой еврейский "план Маршалла"?.. Не хватит, во-первых, ни того и ни другого для решения этой сверхзадачи. Черная дыра размером в 1/6 часть суши бесследно поглотит любые финансовые и материальные вливания, а отношение к евреям... Не будем забывать вывод знаменитого этнолога Л. Гумилева о том, что этнические симпатии купить невозможно.

И все же каким-то образом следует действовать. Если невозможна помощь или научение, то, может быть, нужен пример или что другое?

Давайте подумаем об этом вместе, друзья!

À. Àèòéíáñéé, äüíóòò Èüüáñéíã ãðíáñéíã ñáòòá

Уважаемая редакция!

Прошу опубликовать на страницах вашего журнала мое письмо в порядке участия в дискуссии И.Керпеля и семьи Бронштейн—Лауден (1999, №3, 5). Первый корреспондент придерживается позиции неучастия евреев стран рассеяния в деятельности высших эшелонов власти, авторы второго письма отстаивают право властного полноправия евреев на любом уровне политических структур в этих странах. Вторая позиция привлекательна качествами достоинства и нравственной красоты. Правда, не следовало бы оскорблять ни оппонента, ни его выбор поведения как якобы унижительный. Ведь он выступает за свободное участие евреев стран рассеяния во всех сферах жизни

(художественной, научной, хозяйственной и др.), кроме номенклатурно-политической. Она в наших условиях не блещет ни чистотой, ни "гордостью", которая, по мнению второго автора, должна быть атрибутом еврейства.

Не претендуя на изложение столь трудной проблемы в кратком своем письме (она представлена в моей книге "Размышления об антисемитах. С любовью...", Казань, 1996), я хотел бы фиксировать внимание на одном лишь вопросе, заданном в дискуссии семьей Бронштейн — "мы воспряли духом", "никто нас не заставит", "мы празднуем" и пр. В таком вдохновенном порыве нашего сегодня отсутствует учет прошлого и прогнозируемого будущего. После Холокоста и атомных катастроф безответственное мышление об одном лишь нашем сегодня — это дефект не только логики, но и права, и это грешно. Требуется покаяние всего человечества. Мы же, евреи России, замутненной агрессивным юдофобством, не имеем права не учитывать и провоцирующую роль иных бестактных евреев-Зюсов прошлого и настоящего. Тактичное поведение за общим столом в странах рассеяния — это разумная вежливость, а не унижение. Сохраним гордость — не гордыню.

Beia I iiaeyi nee, caueca i ue aayda i aoe, i di oaimo, Eacai u

...Не нужно быть столь категоричным, как некто из Одессы, к сожалению, не указавший своего имени, предлагающий тем, кто хочет принять участие в политической жизни своей страны, "...там, в Израиле, попробовать себя". Я согласна с автором письма из Петербурга, утверждающим, что мы не должны прятаться, сидеть и ждать; я уверена, что родина у нас здесь, где мы родились, учились, работали. Можно приводить сколько угодно примеров, господин из Одессы, но лучше примером быть самому. А вот Антон Тюкин из Вологды начал свое письмо так: "Письмо Иосифа Кerpеля мне показалось замечательным". Если вам "показалось", это, конечно, полбеда, но если вы в это твердо уверовали, то беда, катастрофа. А про "жирных котов", это вы напрасно! Простите, но не оттого ли это, что вы сами не тот кот. Те наши соплеменники, кто хочет занимать высокие посты и т.п., — молодцы (важно только, чтобы они обладали для этого соответствующими данными), они хотят ходить с гордо поднятой головой и носить свое имя с гордостью.

Eç i emu a Nroue I caeai nee

...Мне хочется верить, что у вас в редакции никто не согласен с Иосифом Кerpелем. Я рассчитывала, что будет больше писем, не поддерживающих Кerpеля. Прочитали же мы всей семьей письма тех, кто солидарен с ним. Я старая женщина, мать, бабушка, в нашей семье все получили высшее образование, мы всегда всего добивались сами, никогда не прятались. Даже во времена, когда господствовал государственный антисемитизм. А теперь-то зачем прятаться? Теперь, когда молодежь может учиться в еврейских школах, высших учебных заведениях, а самые маленькие — посещать еврейские детские сады. Образумьтесь, Иосиф и его единомышленники Рубин Исмаилов, Антон Тюкин и человек, не назвавший себя, из Одессы! Ваш страх на руку Макашову и ему подобным.

Eç i emu a I edu Uadei nee

...Наша семья и друзья обсуждали письмо Кerpеля и реакцию на него. Очень обрадовались ответному письму семей Бронштейн и Лауден, земляков-питерцев. Как это глупо обсуждать и осуждать людей образованных, богатых, умных, которые добились значительных высот. "Зажравшийся жирный кот"! Мерзко! Ком к горлу подступает. Нам

предлагают уйти, спрятаться. А детские сады, школы, институты тоже перевозить в Израиль? А с какой стати? Я еврей, дети мои евреи, да и авторы этих писем тоже евреи! Мы гордимся этим. Нельзя лежать на диване без гроша в кармане и усугублять злодейство глупостью. Открывать нужно новое, а не закрывать существующее. Приходить, а не уходить. Просто жить нужно, жить, а не прятаться. Мы, евреи, не потерялись во мраке тысячелетий, как гунны, хетты и десятки других народов, не исчезли с лица земли, а сумели, пройдя сквозь все круги ада, уготованные нам историей, сохранить свою религию, культуру, традиции, все то, что называется идишкайт. Смогли, потому что наши еврейские мамы воспитали в нас чувство национальной гордости, дали нам уверенность в том, что это в наших силах, благословляли нас и молились за нас. Лучше умереть красиво, чем жить недостойно. Да, я за Березовского, Чубайса, — молодцы, зависть к вам только "белая". Молодцы, что не прячетесь, молодцы, что вы есть и, уверен, будете.

Èç ì èññ ù à Àðèã ðèÿ Àèðí òí àè :à

От редакции

Редакция получает огромное количество писем — откликов на письмо Иосифа Керпеля из Казани, поднявшего вопрос о месте евреев во властных структурах России. Естественно, мы не можем все опубликовать, да и надо ли, если в большинстве своем они дублируют друг друга? Предварительный анализ показывает, что преобладают письма, в которых евреи считают себя полноправными гражданами своей страны и нет оснований отстранять их от политической и государственной деятельности в ней.